

[Polaris]

Ф. ЦЕВЛОВСКИЙ

ЦЕРОН

Роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXCVI-A

Salamandra P.V.V.

ФЕДОР
ЦЕВЛОВСКИЙ

ЦЕРОН

Роман

Том I

Salamandra P.V.V.

Цевловский Ф.

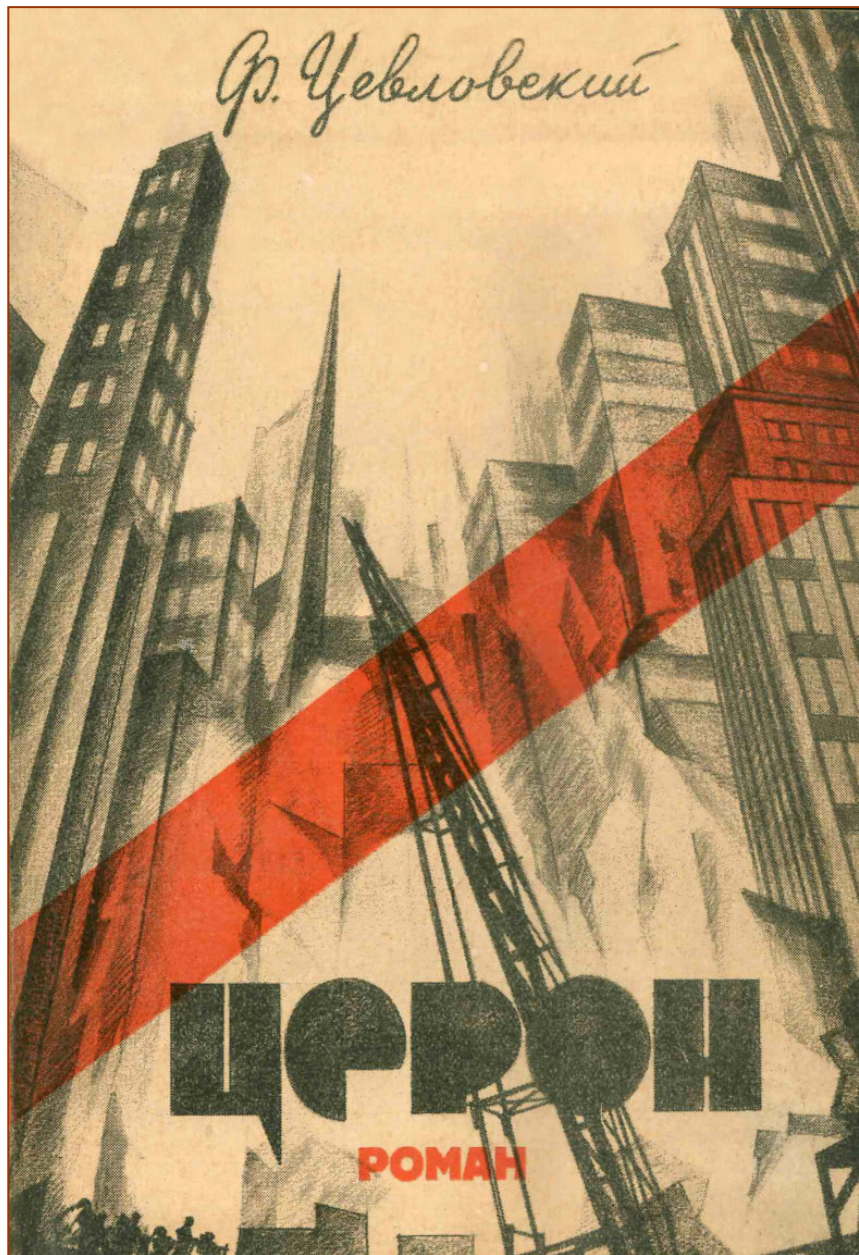
Церон: Роман. Илл. Т. А. Быковского. Том I. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. — 123 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХСVI-A).

В новом выпуске серии «Polaris» — остросюжетный научно-фантастический роман Ф. Цевловского «Церон», впервые изданный в Белграде в 1936 г. Первое переиздание романа продолжает в серии ряд публикаций фантастических и приключенческих произведений писателей русской эмиграции.

Ф. Цевловский

ЦЕРОН

РОМАН

ЦЕРОН

І часть

ЦЕРОН

I

Чужой стряпни вдыхать всемирный чад,
Класть на прорехи жизни ряд заплат,
Платить убытки по счетам вселенной
Нет, я не так усерден и богат.

Омар-Хайям.

Мерное журчание воды, струившейся в турбины, становилось слышным лишь в те редкие мгновения, когда затихал грохот льдин, ломаемых волнами и ветром, где-то снаружи.

В машинном зале, освещавшимся лучами света, равномерно струившемся с потолка, было полутемно. Между гудящими, как шмель, трансформаторами, прислоненными к боковой стене зала, имелся свободный от арматуры и проводов кусок стены, на котором, как на экране, проектировалось изображение группы лиц. Изображенные на экране созерцали движения маленького черного предмета, двигавшегося по неровному дну резервуара, около которого они собрались. Дно резервуара было усеяно рядом самых разнообразных предметов, которые, вероятно, должны были показать всю причудливость и разнообразность морского дна. Черный предмет свободно обходил все неровности дна, как бы угадывая их особой интуицией. Поверхность жидкости, наполнявшей резервуар, была подернута толстой корой льда. Благодаря экранам, находившимся во всех залах полярного оазиса, все его жители могли видеть происходящее в лаборатории, не прерывая своей текущей работы.

Когда коренастая фигура, сидевшая у резервуара, протянула руку к столу и передвинула рычаг, всем обитателям оазиса стало жутко. Выражение лица сделавшего это движение, благодаря двойным очкам, нельзя было рассмотреть. После перевода рычага маленький черный предмет всплыл наверх, дотронувшись своим хребтом до внутрен-

ней стороны ледяного покрова. Затем, как бы почувствовав над собой лед, черный предмет нагнулся, продолжая соприкасаться со льдом лишь одной точкой своей передней части. Из нее выделилась жидкость, показавшаяся на фоне льда бурым пятном. Черный предмет в новой среде неуклонно воспроизвел все маневры, как и перед этим. Он начал наискось с прежней быстротой проходить через толщу льда, находящуюся над ним, и, пройдя ее насквозь, повис над ней в воздухе, заняв свое прежнее горизонтальное положение. Во льду остался туннель, на стенках которого местами виднелись следы бурой жидкости. Люди, бывшие около резервуара и напряженно, как бы застыв, следившие за движениями черного предмета, зашевелились и начали перекидываться короткими фразами. Человек в очках, не отрывая от резервуара своего взгляда, снова передвинул что-то на столе. Ледяная корка на глазах у всех начала таять, становясь все тоньше, пока не исчезла. Затем на поверхности жидкости начали появляться пузырьки. Сначала мало, потом все больше, пока, наконец, она не закипела. Черный предмет без перерыва точно также, как и раньше, плавно и отчетливо производил свои маневры, как в парах кипящей жидкости, так и в ней самой. Коренастый человек в очках с удовлетворенным вздохом отодвинулся от стола.

— Опыт кончился, — были его первые слова.

Помолчав, он добавил:

— Сейчас я больше чем когда бы то ни было уверен, что работа «Церона» безупречна и что шестидневное молчание доктора происходит по его желанию. О причинах же этого молчания мы можем только догадываться.

II

Внизу, на очень большом расстоянии, частично прикрытая облаками, виднелась Азия и прильнувший к ее берегам Тихий океан. Над ней, застыв в эфире, как пернатый хищник в воздухе, повис большой аппарат, верхняя часть

которого имела форму снаряда, а нижняя походила на гусеницу, имевшую большое количество ножек-присосок.

Напряженно всмотревшись вниз, можно было, помимо контуров побережья, рек, извивавшихся змейками, пустыни Гоби, контуров Тибета и т. д., под облаками угадать и очертания Гималаев, казавшихся сверху граничной линией между землей и атмосферой.

Два человека, сидевшие с одетыми наушниками, не обращали ни малейшего внимания на расстилавшуюся под ними изумительную панораму. Они оба были поглощены работой, которая состояла в выборе интересующего их материала из всего того, что все радиостанции земного шара выбросили в пространство в течение последних 24 часов. Неинтересный для них материал специальный аппарат выбрасывал в эфир — в виде вибраций. Интересующие же их сведения они поворотом ручки превращали в знаки, отчетливо втиснутые на металлическую ленту радио-фонографа, обладавшую почти неуловимой на глаз толщиной. Почти одновременно обе фигуры встали, сняв с себя наушники. Один из них, блондин с смуглым, искаженным шрамом лицом, облокотился на спинку стула и молча остался стоять на месте, устремив взгляд куда-то далеко за стены аппарата. Другой, с небритым, покрытым густой щетиной лицом, немного сторбленный, забегал кошачьими неслышными шагами взад и вперед по каюте. Проходя так некоторое время, он остановился и недовольным голосом произнес:

— Сегодня, доктор, кончается уже шестой день с того момента, когда мы по вашему желанию изолировались от всего мира. Ваше предположение, что нас заметили, оправдалось, но наша добровольная изолированность не помогла нам выяснить, кто нас открыл. Поэтому сегодня мы знаем в лучшем случае столько же, сколько и раньше, а весьма возможно, что еще меньше.

— Значит, и сегодня вам это неясно, Мирано? — сказал, обращаясь к нему, блондин, не меняя своего положения и не отрывая глаз от точки, куда они были устремлены.

Мирано издал звук, более походивший на рычание, чем на ответ.

— Скажите ясно и определенно, — настойчиво продолжил блондин, — что вы ничего не понимаете в том, что происходит.

Мирано, ничего не отвечая, продолжал быстро двигаться взад и вперед по каюте. На лице блондина мелькнула улыбка и он первый нарушил молчание.

— Ваше молчание, — произнес он, — так красноречиво, что я не требую большого. Слушайте же. Мне думается, что вскоре мы будем знать, кем мы открыты, так как я сейчас знаю, каким образом нас сумели заметить. Я надеюсь, что вы еще не забыли, как в понедельник мы удачно уничтожили стратоплан.

— За что вы их уничтожили, доктор?

— Для чего, вы хотите сказать? Если хотите. Вы помните содержание их восторженного радио?

— Помню, доктор.

— Это радио показало мне, что они подозревают, что оазис существует. Поэтому не успело еще оно дойти по назначению, как вихрь, посланный «Цероном», их опрокинул и смял. Лишь на расстоянии пяти километров от земли он прекратился, предоставив остаткам стратоплана самим рушиться на землю. У вас, наверное, еще сохранилась в памяти та тщательность, с которой я просматривал все известия о гибели, доходившие до нас. Тогда же я и приказал «Церону» застыть на месте и изолироваться, порвав сношения со всеми. Каждому, и вам в том числе, не могло не быть ясно, что в этом случае далеко не все поверили официальной версии о катастрофе. Чересчур уж был разителен переход от блестящего успеха к кошмарной гибели. От гордости нашего века, знаменитого стратоплана, в котором все было предвидено, на земле осталась лишь грудa мяса, костей и металла, зарывшихся глубоко в землю. Немудрено, что в умы большинства внедрилась мысль, что он погиб от адской машины, незаметно поставленной в его кабину на аэродроме. Если бы нашли хоть один хронометр, это предположение отпало бы. Но ни один из них не был найден,

так как все ценное бродячие банды повыбирали из этой кровавой груды. Так как этого не случилось, то мир почти забыл о происшествии и жаждет других сенсаций. Официально мы были замечены лишь двумя обсерваториями. Досужие астрономы, находящиеся в них, приняли нас за осколок метеора причудливой формы, чуть ли не ставший спутником земли. Вероятно, ими уже пишется доклад, цель которого будет объяснить во всех подробностях, как мы выпали из хвоста родившей нас кометы. В один прекрасный день, не найдя нас на старом месте, они будут очень разочарованы. Но, кроме них, нас заметил еще кто-то и этот неизвестный следит за нами с удивительным упорством, сразу же поставив нас в связь с гибелью стратоплана. Вы видите теперь, насколько я был прав, сейчас же приняв все меры предосторожности. Лица, заметившие наше присутствие, каждые два часа посылают кому-то шифрованные телеграммы, касающиеся нас. Совершенно ясно, что так поступать могут лишь агенты большого и прекрасно устроенного организма. Я уже насчитал, что в течение столь короткого времени они уже 23 раза переменили шифр. Иметь 23 шифра такая роскошь, которую редко какое государство может себе допустить. Этот факт может лишь укрепить мое опасение, что мы наткнулись на организм исключительной мощи и очень богатый. В данный момент я уже знаю все их тайные шифры, как и текст всех их многочисленных рапортов. Я смог узнать все это лишь благодаря изумительной педантичности этого настойчивого наблюдателя. Случайно мне был известен один шифр. Благодаря ему я смог прочесть один рапорт, а так как все рапорты тождественны, я легко дешифровал все остальные шифры. Благодаря той педантичности, с которой точно каждые два часа отсылаются рапорты, нетрудно нам установить и место, откуда они посылаются, т. е. другими словами, мы можем выяснить, откуда они следят за нами. Когда я заметил, что вы, Мирано, не придавая никакого значения ежечасным метеорологическим сводкам, не заносите их на ленту вашего аппарата, я на свою ленту занес, кроме моих сводок, и ваши. Сравните эти данные с часами рапортов и вы

увидите, что в этой части света ни на море, ни на суше в течение этих шести дней не было точки, не покрытой облаками. Несмотря на это, наблюдатель нас все время видел и ни один из его очередных рапортов даже не запоздал. Раз так, значит, облака ему не мешали, но это могло быть лишь в случае, когда он сам был над ними. Предположим, что он со своей обсерваторией находится на дирижабле. Возможно ли это? Конечно, нет. В наше время, в части света, в которой ловкие дельцы так раздражали страсти, что в ней не сегодня-завтра начнут цепляться или в глотку друг другу, или сообщая громить европейцев, содержать тайную обсерваторию на дирижабле невозможно. Его было бы невозможно скрыть от глаз пассажиров, туристов, туземцев и чужих агентов. Затем, зачем же в таком случае нужно было прибегать к шифру и возить с собой радиостанцию большой мощности? Совершенно ясно, что такое предположение о летающей обсерватории не выдерживает никакой критики. Но наблюдатель все же продолжает сидеть над облаками, не спуская с нас глаз. Поэтому нам остается только предположить, что свою обсерваторию он поместил на одной из надоблачных горных вершин. При современной технике в какой-нибудь пустынной местности он мог без всякого труда незаметно ее соорудить. Если вы бросите взгляд вниз, вы увидите, что более подходящего, чем хребты Гималайских гор, вы в этой местности ничего не найдете.

Взгляд блондина, перестав блуждать в пространстве, улыбаясь, скользнул по Мирано.

После короткой паузы, смотря на Мирано, который, остановившись, напряженно его слушал, доктор сказал:

— Вы снова стали таким, каким я вас люблю видеть. А теперь слушайте же! Альпинизм — спорт, притом один из очень рискованных видов спорта. Занимались ли вы им, Мирано?

Мирано, к которому давно вернулась спокойная уверенность, радостно ответил:

— Я не только, доктор, хорошо знаком с этим видом спорта, но очень много им и занимался. Сначала я увлекал-

ся Кордильерами, потом с группой, которую мы образовали из страстных альпинистов, членов самых разнообразных клубов, мы начали восхождения на Гималаи. Это продолжалось в течении двух сезонов. Два лета я блуждал по их откосам и днями ходили по их глетчерам, часто ночуя над облаками. На многие их вершины мы не могли взобраться, хотя были прекрасно снаряжены и не боялись смерти. Даже специальные экспедиции успели достичь немногим больше нас. Ряд хребтов, почти неприступных, заслоняет собой две надоблачных вершины. Я не знаю даже предания, которых много в тех местах, по которому кто-либо даже в легенде смог взбираться на них. Хотя двое из группы на пути к тем хребтам погибли, мне все же удалось их увидеть. Их очертание, как живое, и сейчас передо мною.

— Хорошо, — произнес доктор, — нам остается решить второй вопрос. Кто эти люди, что, не отрываясь, следят за нами и зачем им нужны эти наблюдательные пункты? Ведь не нужно забывать, что им видна лишь надоблачная часть земли, все остальное для них невидимо, в то время как их радио-телеграммы совершенно определенно указывают на то, что они снабжены совершенным научным оборудованием, служащим им для достижения определенной, практической, конкретной задачи. Они находятся на рубеже активной Азии и, несмотря на это, они рискнули вложить огромные суммы денег в такое рискованное предприятие, так как, узнав о их существовании, земными торпедами в короткое время их может уничтожить любая из стран. Кроме того, их таинственное поведение после их обнаружения, — лучшее доказательство того, что этот наблюдатель не принадлежит ко враждующим здесь странам, а скорее всего агент того неосязаемого треста, который руководит общественным мнением, то разжигая страсти, то их охлаждая, ловко зарабатывая и на том и на другом. Если это так, то этот наблюдатель не единственный, а их целый ряд и, конечно, все они предупреждены о нас. Что этот трест, организация или государство для нас опаснее всех остальных, мне совершенно ясно из того внимания, которое они нам уделили. Они единственные, которые, не зная нас, обладают

средствами, которые могут нам пока в лучшем случае мешать, а, быть может, если это им покажется выгодным, по всему миру начать нас травить. Поэтому нашей первой задачей будет проследить, кто их возглавляет, а потом их обезвредить или ликвидировать, как стратоплан. Приготовьте сейчас же экипаж к работе, мы немедленно переходим к действию.

Произнеся это, доктор быстрыми шагами пошел по направлению к стене, расступившейся перед ним в последнее мгновение. Он очутился в полумрачной соседней каюте, где спали двое людей.

III

Шум пробуждающегося города врвался в открытое окно большого прекрасно обставленного бюро. В креслах, расставленных около круглого стола, виднелись три ушедшие в свои мысли фигуры. Сорокалетний мужчина с плотоядным ртом и чуть выющимися волосами произнес, взглянув на часы:

— Нам осталось до рапорта Шимера восемь минут.

Его голос прозвучал в утренней тишине, нарушаемой гудками автомобилей и звонками трамваев, неуверенно. Взгляды двух других устремились на него.

Один из них, библейского вида старик, с большой седой бородой и живыми юношескими карими глазами. Другой же имел холеные руки, безличное, тщательно выбритое лицо ксендза, украшенное массивным подбородком, выражавшим спокойствие и упорство. Голос человека с плотоядными губами вызвал их из состояния полудремоты, в которую они были погружены. Но слова, произнесенные им, не произвели на них никакого впечатления и, перестав дальше обращать внимание на него, они погрузились в свои мысли. Пожав плечами, этот человек тоже закрыл глаза и, если бы не судорожно сжимаемые им короткие, мясистые пальцы, можно было подумать, что и он заснул. Шум про-

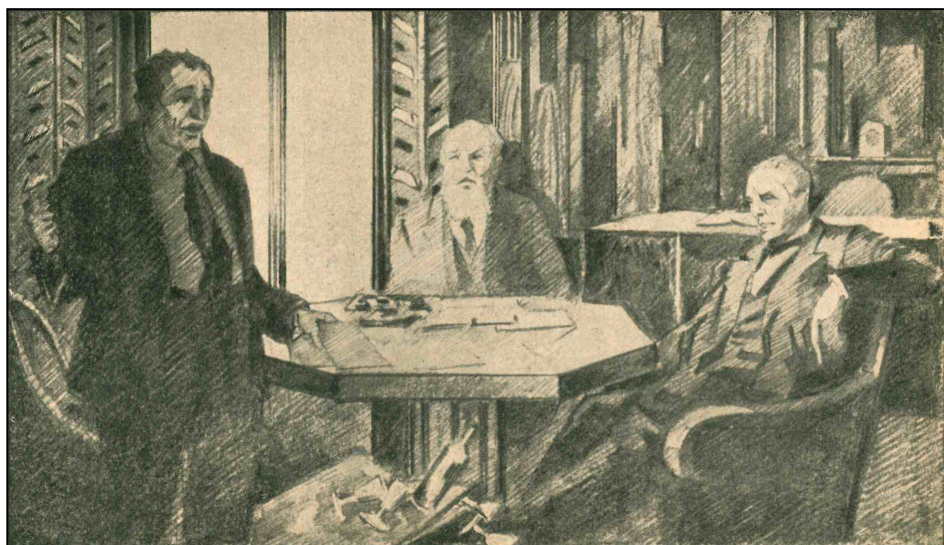
буждающегося города становился все разнообразнее и сильнее. Из-за спины сидящих бесшумно распахнулась дверь. В нее вошла стенографистка, держа телеграмму в руках; молча передала ее старику и бесшумно вышла. Старик вскрыл ее с усталым безразличным видом и начал громко читать. Но по мере чтения он начал оживляться и в голосе его слышались металлические нотки. В этой радиограмме не было ни обращения, ни подписи. Ее текст гласил:

«В 2^h 8' обнаружено вместо предмета облако газов, имевшее по началу цвет и форму предмета. В 2^h 43' облако совсем рассосалось. Заметить момент исчезновения предмета не мог. Уверен, что анализом фильма в лаборатории сможете это установить. Фильма передана кондуктору Тибетского экспресса. О случившемся уже предупредили наблюдателей категорий А. Не мог раньше послать известие из-за урагана, бывшего под нами. Приступаю к очередной работе».

Старик выпустил радиограмму из рук — она, чуть зашуршав, упала на пол, — и откинулся на спинку кресла, устремив свой взгляд на соседний балкон, на котором чирикали воробьи.

Радиограмма произвела особенно сильное впечатление на человека с плотоядными губами. Было видно, как на его лице выступили красные пятна и он, не владея собой, взмахом руки опрокинул маленький передвижной столик, служивший буфетом. Все стоявшее на нем, жалобно звеня, свалилось на пол, разлетаясь на мелкие куски. Звук разбивающейся посуды немного успокоил массивную рыжую фигуру, пришедшую в ярость. По шуму, врывавшемуся в раскрытые окна конторы, можно было заключить, что повседневная жизнь города была уже в полном разгаре. Старик первым нарушил начавшее становится тягостным молчание.

— Тибетский воздушный экспресс, — сказал он, — проходит около обсерватории в девять часов утра. В четыре часа он уже здесь. Поэтому вечером или сегодня ночью мы будем точно знать, что интриговало Шимера столько времени, а также узнаем, насколько правильно было его пред-

положение, заставившее нас провести достаточное количество тревожных минут. Но, помимо всего, — продолжал он своим бесстрастным голосом, — я не вижу никаких оснований господину Малеру приходить в ярость и переставать владеть собой при первом призрачном намеке на опасность.

Малер, уже овладевший собой, сгорая от желания выказаться, с трудом дождался конца речи старика. Он быстро заговорил, как бы боясь, что его прервут, не дав закончить.

— Мне совершенно безразлично, — начал он, — ошибся ли Шимер или нет. В конце концов, для нас не так уже важно, существует ли какой-то особенный летательный аппарат или просто Шимер стал жертвой галлюцинации. В этом деле самое главное то, что нам дается прямо в руки возможность блестяще заработать. Так быстро и такие огромные деньги, что я не могу об этом спокойно говорить. Мне же шесть дней запрещают использовать эту редчайшую возможность, держа меня как бы на привязи. Я никогда вам не прощу, если вы эту возможность упустите. Это становится невыносимым. Ведь мне достаточно сделать несколько телефонных звонков, послать несколько радиogramм и к нам струей уже бы лились: фунты, франки, червонцы, пенни, сантимы, рупии, иены и лиры. Боже мой, Боже мой, а вы, как тюремщики, мне запрещаете это сделать. По четыре, по пяти экстренных коротких изданий в день посвящалось бы этому «X». Весь мир месяц, два, может быть, говорил бы только о нем. «X» мы объявили бы врагом белых, черных, желтых, всех, всех, всех. Погиб стратоплан — он виноват, холодно на Северном полюсе — он причина, жара на экваторе — им вызвана, пьян машинист и поезд сошел с рельс — опять же он. Все отошло бы на задний план перед борьбой с ним. Если бы возникли сомнения в существовании этого «X» — мы бы его создали. Если же он действительно существует и Шимер не бредит, то в результате такой мировой травли он будет пойман или погибнет. Если будет пойман, мы будем те, в чьи руки попадет его тайна, которую мы будем покупать и перепродавать много

раз. Если же погибнет, то, кроме безумного заработка, у нас будет ореол сторонников всего морального и нравственного в мире. А как это выгодно, вы знаете так же хорошо, как и я. Что же нам дает потеря драгоценного времени? Кроме потери денег — ничего. Ровно ничего. Хуже чем ничего; от такого ожидания стареешь, теряешь здоровье.

С любезной улыбкой на устах, мягким, но решительным жестом, фигура, походившая на ксендза, заставила Малера замолкнуть. Не обращая внимания на его протесты, он сказал:

— Господин Малер, Вы так увлеклись, что совершенно забыли, насколько устал г. Леви. Ему нужно отдохнуть. Посмотрите, как вы его утомили. Нам осталось еще очень мало ждать. Всего лишь до вечера. Мы столько уже ждали, а осталось так мало. Осталось чуть-чуть подождать и все будет ясно. Ведь мы вам никогда не дали ни малейшего основания усомниться в нашем отношении к вам. Вы наша гордость, наш неподражаемый, исключительный Малер. Все, до чего вы прикоснетесь, превращается в золото. Ваши фермы, в которых Вы собрали инкогнито лучших специалистов по военному оборудованию, из которых вы выдаваете, вместо молока, патенты, — изумительны. А Ваши конторы, которые эти военные тайны распределяют между воинственно настроенными государствами по принципу, что дороже продать — и яд и противоядие, и то только за чистое наличное золото, — затмевают все остальное. В наши кассы течет, не прерываясь, золотой струйкой золото; его блеск ежеминутно, Малер, напоминает нам о Вас. Но мы с Вами, Малер, делаем крупное дело, которое, благодаря Вашей изобретательности и активности и тому совершенному знанию человеческих страстей, которыми обладает Леви, уже начинает давать дивиденд. Господин Леви знает людей и видит в жизни больше и лучше нас с Вами. Он хочет ждать и мы будем ждать, а потом действуйте, это уже Ваша область, дело вашего таланта и способностей.

Леви, чью легкую, чуть заметную, насмешливую улыбку поглотила борода, при последних словах был уже на ногах и, делая шаг по направлению к двери, сказал:

— Чем скорее, тем лучше. Поступать, как м-р Джонсон, и говорить комплименты я не буду, так как мы чересчур были хорошо информированы друг о друге перед началом совместной работы.

Немного спустя, он добавил:

— Мне показалось, мистер Джонсон, что, говоря нам комплименты, вы одновременно распорядились, чтобы фильма была взята от кондуктора и передана в лабораторию.

Произнося эти слова, Леви старческой походкой, сопровождаемый Малером и Джонсоном, шел к выходной двери. На лице Джонсона не отразилось ни малейшего удивления. Открыв перед Леви дверь, он спокойно сказал:

— Вы, как всегда, правы. Вы только не заметили, что я не забыл распорядиться и о том, чтоб подали наши автомобили.

От подъезда, один за другим, — три лимузина понесли своих седоков в разные стороны.

IV

Лучи утреннего солнца осветили Гималайские горы, покрытые ледяным покровом.

По неровной поверхности ледяного поля, еле передвигая ноги от усталости, четыре человека приволокли к расщелине несколько ящиков. В белых балахонах и сапогах, они казались издали частицами глетчера, на котором они находились. Оставшиеся наверху пошли обратно, таща за собой санки с катушкой кабеля. По мере удаления от обрыва, они все больше походили на два призрака. Лишь кабель, оставшийся лежать тонкой нитью на льду, указывал на то, что здесь были люди.

Очутившиеся на дне расщелины работали молча и сосредоточенно, лишь изредка перебрасываясь короткими замечаниями. На подставке постепенно вырастал четырехстворный рупор с широкими, неправильной формы слуховыми трубами, торчавшими во все четыре стороны.

— Теперь, — произнес один из них, — найдем место для директора и тогда поспешим в нашу каюту.

Осмотревшись, недалеко от себя они увидели широкий ровный выступ скалы. На него они поставили оставшийся нераскрытым ящик. На наружной стенке ящика была кнопка. От нажима на нее крышка ящика раскрылась и из ящика вылез наружу аппарат, полный различных циферблатов, стрелок и винтов. Пока один из них регулировал аппараты, другой соединял их с кабелем. Закончив свою работу, они устало сели на дно расщелины. Младший вынул из кармана маленькую, похожую на миниатюрный фотографический аппарат, коробку и, поднеся ее ко рту, произнес слово: «север». Он повторил это много раз и, лишь когда он с безнадежным жестом опустил коробку на колени, из нее слышалось в ответ:

— Здесь север!

— Все готово, — сказала поспешно фигура.

— Возвращайтесь сейчас же, — прозвучал голос из ящика.

Оба молча поднялись и подошли к висевшей на стене веревке. Взбираться наверх было очень тяжело. Ноги срывались с уступов и тело то и дело ударялось об острые обледенелые скалы. Наконец, задыхаясь от усталости, они выбрались наверх и, еле волоча ноги, начали отходить от обрыва. Путь по неровному ледяному морю был очень тяжел. Они часто спотыкались. Пройдя около тысячи шагов, младший начал все чаще и чаще взглядывать на инструмент, вместо часов одетый у него на руку. Пройдя еще некоторое расстояние, они остановились и начали беспомощно озираться кругом. Их недоумение было прервано насмешливым голосом, казалось, вышедшим откуда-то из-под них — из самого горного массива:

— Два шага направо, Лиза, два шага назад, Мехмед. Шаг вперед и влево.

Одновременно с этими словами на ледяной поверхности появилось черное пятно круглого отверстия. Оба, забыв про усталость, устремились к нему. Еще несколько томительных минут и они уже были внутри «Церона». Забот-

ливые руки быстро с них сняли теплую одежду и они очутились в просторной теплой каюте на мягком диване. У стола суетилась высокая стройная брюнетка, разливая какао в чашки.

— Пейте! и вы быстро придете в себя, — сказала она, придвигая к ним чашки, — вот и папиросы. Не правда ли, было ужасно трудно, холодно, но все хорошо, раз вы не повредили себя. Доктор говорит, что вы блестяще выполнили работу, — не умолкая, повторяла она, делая сэндвичи из сыра и консервов. Затем уже тихо, почти шепотом, она добавила: — Вы закончили работу вовремя, доктор ни на минуту не отходит от аппаратов, он, видимо, придает тому, что должно произойти, чрезвычайную важность.

Стрелка часов показывала без пяти минут девять, когда в отделении, в котором сидел, нахмурясь, доктор, послышался звук пропеллера. Он быстро подошел к маленькой распределительной доске, помещавшейся недалеко от него, и перевел на ней несколько рычагов, наблюдая за показанием стрелок инструментов, вделанных в эту доску. Установив, что звук идет с северо-востока, он снова начал регулировать приборы, пока звук пропеллера не стало слышно совершенно отчетливо. В это же время на маленьком экране, бывшем перед ним, еле заметная точка, нарастая, превратилась в ясно видимый одноместный аэроплан.

— Вы видите этот аэроплан? — сказал доктор, обращаясь к вошедшему Мирано. — Его скорость больше скорости Тибетского экспресса, он может его свободно перегнать. На нем сейчас находится наш приятель или его агент. Они спешат на ходу передать фильм кондуктору. Но мы еще увидим, смогут ли они это сделать?

Вместо ответа Мирано рассмеялся.

Доктор, забыв про окружающее, держась рукой за рычаг распределительной доски, говорил, как в полусне:

— Аэроплан переходит границу магнитного поля, он входит в силовой поток, вот...

И доктор, рванув рукоятку к себе, застыл, не отрываясь от экрана.

Мгновение аэроплан продолжал свой путь, как ни в чем не бывало. Но вдруг его нос резко задрался вверх, потом опустился и, перестав слушаться пилота, аэроплан, накрываясь, стал падать на горы. Было видно, как резким движением пилот освободился от ремней, привязывавших его к сидению, и кинулся вниз, держась правой рукой за грудь. Сначала он падал, как камень, и его гибель казалась неминуемой, но вот парашют раскрылся, скорость падения уменьшилась. Но, когда казалось, что он благополучно достигнет земли, струя воздуха, обтекавшая хребет, рванула его в сторону, ударила несколько раз об отвесную стену и, наконец, как бы устав играть с ним, дала возможность ему стать на ледяной барьер в нескольких сотнях метров от места, где находился «Церон». В стороне догорали зажегшиеся от удара, полученного при падении, остатки аппарата, несколько минут тому назад гордо парившего в воздухе.

В каюте послышалось вновь гудение пропеллера.

— Слышите. Мирано, — произнес доктор, чье лицо было бледно от пережитого волнения, — это экспресс. Я пойду подкрепиться, а вы следите за тем, что будет делать этот человек, а также и за его спасателями. Катастрофу не заметить они не могли и вскоре двинутся его спасти, показав нам точно, где находится их логовище. Судя по шуму пропеллера, который мы уловили, он возник где-то на том суrowом массиве с отвесными стенами. За проявлением признаков жизни на этом массиве будут следить по очереди на экране в комнате для чтения. У нашей молодежи и у наших сотрудников глаза удивительно остры; они заметят не меньше, чем самая чувствительная фотографическая пленка.

— А фильма, доктор, что с ней? Вы думаете, что она при этом человеке?

— Нет, — ответил доктор, — передать на ходу экспрессу несколько тысяч метров фильма можно только, держа ее в специальном запаянном ящике. Этот ящик или упал куда-нибудь в сторону, оторвавшись от аэроплана, или сгорел вместе с ним. Но этот самый наблюдатель в своем гнезде конечно, задержал оригинал, пославши дубликат. Итак, Ми-

рано, до скорого свидания и терпеливо ждите, пока не появится рыба, чтобы проглотить нашу приманку — этого испуганного, получившего ряд потрясений и ушибов при спуске на парашюте, человека.

Когда, войдя в столовую, доктор бросил взгляд в салон для чтения, там он увидел оживленную группу в пять лиц, рассматривавших пол, на котором во всех деталях отражался загадочный массив. Он, улыбаясь, простоял несколько мгновений, смотря на эту картину, и сел за стол. Увидя его, брюнетка начала наливать стакан чая, вынув предварительно из маленького очень изящного буфета небольшую бутылку с коньяком.

— Я очень рада, — сказала она, пододвинув к нему стакан чая, — что сейчас обошлось без жертв.

— Я стараюсь обходиться без них, Элен. Насколько мне тяжело и больно прибегать к этому, вы знаете так же хорошо, как и я, но в случае стратоплана — этого летающего разнужданного гнезда, — невозможно было иначе поступить. Вы слышали по радио, как восприняли его гибель проповедники. Одни увидели в этом перст Божий, а армия спасения, надрываясь, использует уже этот случай вовсю. Ее миссионеры, ударяя себя в грудь, указывают на то, что если человечество не пойдет их путем, то его за неморальность тоже постигнет участь стратоплана.

Когда мы вылетели из дому, я знал, что наша работа будет очень тяжела, опасна и продолжительна. Но я не предполагал, что спекулянты так хорошо использовали имеющийся у них свободный капитал и доступные за их деньги технические достижения. Они, как пиявки, впились в мир. Мы же рассчитывали увидеть только несколько запутавшихся в противоречиях и озлобившихся на все и вся человеческих группировок, с которыми легко было бы справиться. Их военную мощь «Церон» уничтожил бы, не дав им опомниться, но на деле выходит другое.

Ты видишь в той комнате на полу изображение горного массива. В нем скрыто одно из щупальцев того осьминога, который незаметно и неслышно поступает с миром, как предприниматель со взятым им в эксплуатацию на корот-

кое время предметом.

Мы считали, что имеем дело с разрозненными претензиями отдельных рас, наций и государств, но здесь на Памире, между небом и землей, уже отчетливо видна та паутина, которой по строго определенному плану, не знаю, как давно, но уже крепко опутали мир эти люди.

Часы пробили половину десятого, одновременно из салона послышались возгласы:

— Вот где они, вот!

На расстоянии десятка-двух метров от макушки хребта, бывшего ниже соседних вершин, но отличавшегося совершенно почти отвесными и местами даже нависшими над бездною обрывами, была площадка, на которой стояли два человека с подозрными трубами. Они осматривали окрестности. Один из них, заметив еще дымившиеся на глетчере остатки аэроплана, указал на них рукой. Затем, обменявшись друг с другом несколькими фразами, они ушли с площадки в зиявшее сзади них отверстие, которое за ними закрылось. И снова в своем мрачном величии торчала неприступная вершина к небу.

Через четверть часа стена раскрылась, создавая впечатление как бы небольшого аэродрома с прилегающим к нему ангаром. Три человека выкатили маленькую пушку, походившую на те, что употребляют для бросания гарпуна китовые. Минут десять ушло для установки этой пушки. Люди на площадке суетились около нее, по очереди уходя внутрь скалы и появляясь снова с каким-нибудь предметом в руках. Наконец, видимо, их приготовления стали подходить к концу и трое из них, подняв с трудом с земли нечто походившее на тяжелый якорь с многочисленными лапками, всадили его длинную массивную рукоятку в жерло установленной ими пушки. Один из них внимательно осмотрел еще раз всю установку, как и провода, ведущие от пушки вовнутрь, и исчез в зиявшем отверстии. Через несколько мгновений якорь вылетел и, описав правильную дугу, упал на находившийся на значительном расстоянии глетчер другой вершины. Нить, которая была привязана к ручке якоря, начала наматываться на лебедку, таща за собой по-

степенно утолщавшуюся веревку, перешедшую потом в веревочный легкий мостик, который, прогнувшись, повис над бездной. По нему с палками и веревками, заброшенными за спину, один за другим начали переходить люди, бывшие на площадке. Когда последний из них перешел с мостика на глетчер, доктор произнес:

— Господа, каждый на свое место.

Сам же он, позвав Мирано, спустился с ним в нижнюю часть «Церона».

В машинном отделении, в которое они сначала попали, виднелось очень большое количество электромоторов, соединенных с каждым отдельным механизмом «Церона». Они приводились в движение общей машиной особым способом, так как нигде проводов не виднелось. У командного мостика находился небольшой экран, на который перископ бросал изображения. Оттуда вел ход в так называемое химическое отделение, где с одной стороны была прекрасно оборудованная миниатюрная лаборатория, в то время как в другой ряд резервуаров и баллонов, связанных разнообразными трубами и проводами. Оно переходило в отделение, в котором, помимо ящиков с упаковкой, характерной для взрывчатых веществ и снарядов, стояло отдельно несколько сложных и в то же время смертоносных приборов, заключенных в проволочную сетку. К одной из таких клеток подошел доктор, в то время как Мирано стал на командный мостик. Доктор за оградой наклонился над резервуаром, в который были вделаны два шарообразных контакта и из которого вел вверх, наружу через потолок каюты, кабель, одетый в разнообразные сетчатые рубашки.

— Установи прицел на маленькую дверь, — бросил доктор в сторону Мирано. Сам же он склонился над контактами, сближая и отдаляя их, причем появлялась каждый раз яркая ослепляющая искра.

— Готово, доктор, — послышался голос Мирано. Несколько передвижений колес и рычагов и резервуар наполнился янтарного цвета жидкостью. Еще несколько движений механизма, и между кабелем и шариками установилась видимая на глаз струя, как бы бежавшая от них к кабелю.

Взгляд на приборы, перевод рычага и эта струя, сделавшись багровой, потекла еще интенсивнее к кабелю.

Доктор, простояв еще несколько минут, вышел из клетки и, перейдя в другое отделение, взошел там на командный мостик.

На глазах смотревших сначала растаял лед, бывший на входе в убежище. Образовавшаяся от таяния льда вода начала испаряться, а затем через четверть часа перед удивленными глазами экипажа «Церона» вделанная на шарнирах глыба скалы вся раскалилась. Огненным пятном казалась она на бело-черном фоне массива.

Пять фигур шли по ледяному морю к переставшим уже дымиться остаткам аэроплана, не подозревая, что происходит с убежищем, покинутым ими неполных полчаса тому назад.

— На ангар! — произнес доктор и через некоторое время он сконцентрировал убийственный ток на его зияющей пасти. Когда скала, закрывавшая маленький вход, немного остыла, он снова направил покорный кабель на нее и, вторично накалившись, скала, перед тем уже расколовшаяся, распалась на мелкие камни, упавшие дымящейся глыбой на площадку.

Невидимая струя, направляемая в образовавшееся отверстие стальной волей доктора, устремилась туда, вскоре раздался ряд слабых детонаций; затем верхушка горы, как бы срезанная чьим-то ножом, поднялась кверху, раскалываясь при этом на части. Немедленно же, вслед за тем, донесся гул, от которого, казалось, зашатались все хребты, и эти огромные блоки лавинами покатались вниз, все сметая на своем пути. Все окрестности, как дождем, засыпались маленькими и большими обломками скал. Еще эхо передавало на все лады звуки взрыва, как отчетливо, в редкие минуты тишины, стали слышны где-то вблизи стоны.

— Где пятеро, Лиза? — произнес доктор в рупор телефона.

— Они приходят с трудом в себя. Видимо, не ранены, хотя и были сбиты с ног силой взрыва.

— Тогда, — продолжал он, — пусть трое из вас втащат через люк в маленький салон стонущего наверху. Сделать это так, чтоб никто из той группы пяти человек не мог бы заподозрить наше присутствие. Стонущему наложить платок с хлороформом. Когда он проснется, мы для него будем альпинистами, случайно нашедшими его. Поняли, Лиза?

— Есть! — послышался лаконический ответ.

— Вы же, Мирано! — обратился к нему доктор, — возьмите остальных и доставьте обратно аппараты. Можете не спешить, так как тем пятерым не до нас. Посмотрите, у них от страха выросли крылья, они не идут, а летят, спеша унести отсюда свои ноги как можно подальше. С наблюдателем номер один, конечно, кончено. Я же поговорю с нашими; как не была велика их выдержка, но они, конечно, беспокоятся о нас.

Вскоре по всем каютам зазвенела звучная ария тореадора. Не успел заглухнуть ее последний аккорд, как каюты наполнились пришедшей из эфира другой песней — гимном Севера.

Внизу, в маленьком салоне, на диване под пикейным одеялом лежал раненный. Рядом с ним одежда и парашют. Елена накладывала на его тело, покрытое синяками, компрессы. Билль, который его принес, помогал ей. Лиза стояла в стороне, рассматривая найденные письма и документы. Красивый, жизнерадостный блондин смотрел на нее с фотографии. Несколько писем, адресованных на имя Курта Шимера, носили подпись — «твоя любящая мать». Был и документ — похвальный лист, из которого было видно, что Курт четыре года был одним из лучших пилотов крупнейшей воздушной кампании. Но ее любопытство особенно задел большой увесистый пакет, на котором на трех европейских и двух азиатских языках стояли адрес и фраза: «Доставивший по назначению получит награду золотом». Причем указывалась крупная сумма.

Лизу подмывало его вскрыть, но она поборола это желание и пошла с письмом к доктору. Он курил, сидя у себя в комнате. Вскрыв пакет, они углубились в него.

Письмо начиналось так:

«Я, Курт Шимер, инженер, сделавшийся профессиональным летчиком. Я обманут и потерял надежду выйти живым из тайного наблюдательного пункта номер первый, помещенном на одной из заоблачных вершин Гималаев. Ее точное географическое положение не знаю. Прежде всего, при современном состоянии техники, благодаря огромной видимости, этот пункт, как и ряд вспомогательных менее важных пунктов, для путешествия из Европы в Азию и оттуда в Индию имеет то же значение, что Босфор для Черного моря и Гибралтар для Средиземного. Мы, добровольно или случайно ставшие агентами создавших эти пункты, пользуемся прекрасными удобствами и наши семьи регулярно получают уговоренные огромные оклады, но для большинства нас отсюда нет выхода, в особенности для таких, как я, которые заняли командные должности и благодаря этому получили возможность узнать больше, чем нужно.

Заняв такую должность, я вскоре убедился, что цель этих лиц преступная. Национальность, раса, долг, мораль для них существуют постольку, поскольку могут помочь провести в жизнь ту или иную их спекуляцию. Пост № 1 так оборудован, что он в течении года может не допускать воздушную связь благодаря вспомогательным постам на всем пространстве горной цепи, и уничтожать воздушные эскадры любой величины. Его главная радиостанция более мощна, чем любая станция в мире. Она предназначена исключительно, чтобы нарушать эмиссию тех радиостанций, которые они найдут нужным. Маленькие же радиостанции служат лишь для распространения лжи в мире. Мы получаем шифрованное задание, а отсюда даем самые фантастические вести голосом спикера той страны, которой нужно. Для Европы мы даем последние сведения о Азии и Индии, а им о Европе. Мы крадем их бюллетень, вкрапывая незаметно туда то, что нужно нашим хозяевам. Для этой цели у нас два прекрасных артиста-имитатора и специальная зала, в которой они репетируют каждый день. Услышав нужный бюллетень, мы самое позднее через 10 минут даем свой. Мы поступаем так уже год. И никому в голову не пришло, в чем дело. Все лишь очень обрадовались тому, что благодаря но-

вому оборудованию — совершенству техники — мир сузился и иногда Азию, Индию и так дальше может услышать каждый аматер. Я лично два раза узнал про панику на бирже, созданную таким образом. А ненависть и обострения отношений между народами сколько раз возникали благодаря этому. Каким бесконечным, я сказал бы, сверхъестественным знанием людей и их страстей обладает тот, кто два раза в день шлет нам этот шифрованный материал.

Кто эти люди? Я знаю лишь одного из них. Он, безусловно, один из правящих. Сколько могу судить, их должно быть три и у каждого свой отдел: Административный, Организационный и Выполнение. Рыжий, алчный, наглый, — это тот, который ввел меня. Мои коллеги во второразрядном кабаре познакомили нас. Потом мы встречались с ним по его желанию в ряде столиц и больших городов, где по потребностям службы мне приходилось бывать. Только теперь, когда мои нервы напряжены до крайности, когда каждая мелочь оформливает и обостряет картину, я вижу, что всю мировую проституцию, весь белый товар он фильтровал, распределяя их в зависимости от ценности и новизны. Через те же проходы, через те же руки устремлялся кокаин и морфий. Он, которого я готов сейчас уничтожить, был, как дома, на бирже и так же подобострастно там принимался, как и в его любом публичном доме. Я случайно увидел его жену. Завалясь на спинку роскошного лимузина, жирная, утыканная бриллиантами, она терпеливо его ждала перед группой публичных домов, в которых он давал распоряжения. С нею была ее дочь.

Эта благочестивая семья перед тем, как попасть в церковь, на благотворительный вечер или в гости к столь же достопочтимой семье, зная, что делает их муж и отец, терпеливо его ждала, весело переговариваясь. А из окон до них доносились звуки расхлябанного рояля и похабная пьяная песнь.

Кто хочет его найти, найдет его в этих клоаках. Он, торгуя там, там же вербует нужных ему людей, туда же бесчисленные его агенты несут ему всю информацию.

Предпочтения он не дает ни одному городу, ни одной нации. Он предпочитает стричь всех под одну гребенку. В одних местах, я слышал, как его зовут м-сье Жак, в других — м-сье Якоб, в третьих — мистер Джон. Когда я подписывал условия, он, вынимая платок, выронил изящную коробочку визитных карточек, на них стояло: «Матильда Малер». Я помог ему поднять. Он поблагодарил и произнес: «Не правда ли, изящный подарок дочери? Это ее первые визитные карточки». Я одобрил его вкус. Мой уговор был подписан на год — я же здесь уже третий год. Улететь не могу, так как резервуар авиона такой величины, что мой радиус действия ограничен до крайности, его не хватило бы выбраться до отрогов. Уйти можно, лишь предупредив всех остальных, а между ними два специальных надсмотрщика, которых перемещают с поста на пост каждые полгода. Освободиться я хочу, но надежды, что моя попытка удастся, нет. Поэтому пусть тот, кто найдет мой труп, даст этому письму как можно большую огласку или передаст на указанный адрес».

Внизу стояла подпись: «Курт Шимер». Датировано оно было пять месяцев тому назад.

Дочитав последнюю строчку, Лиза и доктор переглянулись.

— Бедный, он много пережил, — сказала она. Доктор, взяв со стола миниатюрную коробку с рядом кнопок на ней и мембраной, нажав одну из них, произнес:

— Как больной, Элен?

— Пульс и температура нормальны. Он спит. Ушибы по всему телу, а кроме того, он вынес большое нервное потрясение. Чтобы совсем оправиться, ему нужны, главным образом, отдых и уход в течение месяца.

— Вернуть его к матери, — произнес доктор, снова обращаясь к Лизе, — невозможно. В маленьком Магдебурге его возвращение сделает сенсацию, и они сейчас же узнают об этом. Его уничтожат, а против нас примут меры.

В это время вошел Мирано, сказав, обращаясь к ним:

— Аппараты погружены. Этим же пятерым взрыв, видимо облегчил спуск, так как благодаря ему сползло несколько

ко глетчеров; поэтому им, пожалуй, удастся благополучно добраться до низу.

— Пожалуйста, Мирано, вы с Андреем жидкостью отделите «Церон» от ледяного моря, в которое он врос, а Мехмед и Билль пусть приведут в движение все машины.

— Куда мы пойдем, доктор? — одновременно спросили его и Лиза и Мирано.

— К Стеверсу на Лаго Маджиоре. За обедом мы со своими поговорим об этом.

Далеко от земли, весело и оживленно болтая, заканчивал свой обед экипаж «Церона».

— Письмо Шимера дало нам возможность получить в наши руки нить, следуя по которой, мы можем найти самих хозяев. Этих хозяев, вернее, акционеров, более или менее важных, много. Они есть в каждом государстве, но свои дела они доверили нескольким лицам. По предположению Шимера их три, и одного из них зовут Малер. Кроме этого имени, у него, вероятно, десяток других имен, но самое важное то, что его дочь носит это имя. Нам нужно достать его и привезти на «Церон». Что мы с ним сделаем, об этом рано говорить.

Чтобы осуществить эту задачу, мы воспользуемся услугой Стеверса, который всем телом и душой желает нам успеха и добра. На своей вилле, расположенной на скалистом берегу Лаго Маджиоре, он создал еще три года тому назад гараж для «Церона». Гараж можно открыть и закрыть, не выходя из «Церона», с помощью универсального механизма, расположенного под командным мостиком. Вход в ангар из маленькой бухты, закрытой со стороны озера. Из него ведет подземный ход в его рабочий кабинет.

В окрестностях он легко сможет устроить Шимера. В тех местах ни Шимером, ни другими иностранцами никто не интересуется. Интересуют только их деньги. Туда же он сможет выписать свою мать, пока все не уляжется и он сможет вернуться на родину.

От Стеверса мы узнаем все подробности о том, как и где нужно проводить время членам хорошего общества, т. е. в какие месяцы нужно быть в Биарице, Сен-Себастьяно, До-

виле, Ницце и т. д. Узнав это, мы будем жить там, следя за семьей Малер и ожидая, пока он не придет инспектировать свои предприятия и не воспользуется этим, чтоб пробыть некоторое время с семьей. Такие субъекты боготворят свою семью. Но семья таких субъектов допускает себе роскошь любить постольку, поскольку ей платят. Чтобы достичь этого, мы у Стеверса обречем наши национальности. Элен станет француженкой, доктором, начавшим практиковать в Шанхае, и превратится в невесту Билля, который от радости, что стал в Мичигане инженером, начал путешествовать вокруг света четыре года тому назад и еще не успел его объехать.

Лиза и Андрей — русскими с примесью английской крови, имеющими деньги и большие связи на родине. Мехмед богатый, как все восточные люди, и по традиции склонен к лени. Я — полуевропеец, полумонгол, тратящий свои деньги на отделение группы китайских провинций небесной республики, мнительный, со странностями. Мирано, как итальянец, остается здесь на своей родине около «Церона». На нем будет лежать организация перевоза Малера из Франции сюда, придав похищению политический характер. Я уверен, что мы сможем это проделать, не встретив серьезных препятствий. Соединяющим всех нас звеном будет Стеверс. При его изумительном характере он естественно превратится в душу нашего общества, желающего поближе сойтись с элитой, находящейся на Ривьере.

V

Была полночь.

Невдалеке от озера виднелся силуэт типичного шотландского коттеджа. Вечер был свеж. С озера веяло прохладой. От одной из труб коттеджа тонкой струйкой вился дым. В столовой перед зажженным камином сидел Стеверс. Он полулежал в удобном кресле с вечерней газетой в руках. Через всю первую страницу газеты стояло гигантскими бук-

вами: «Землетрясение в Гималайских горах или взрыв». После этих слов, занимавших большую часть страницы, стоял огромный вопросительный знак. На полу лежал более поздний экстренный выпуск. В нем, кроме сенсационного заголовка и ряда вопросительных знаков, ничего не было. Заголовков гласил: «Вчера погиб стратоплан, сегодня взорваны Гималаи, завтра очередь гибнуть придет для наших столиц. Кроважность появившегося вампира, видимо, безгранична! Долго ли мы будем пассивно ждать нашей собственной гибели?»

Глаза Стеверса не смотрели на эти листки. Он весь ушел в прошлое. Он снова переживал то, что казалось ему похороненным давно и навсегда. Вдруг его губы зашевелились и он зашептал:

— Неужели этот гениальный сумасшедший осуществил свои мечты? Неужели ему удалось во льдах Севера найти решение, которое безуспешно искал он — Стеверс, — чуть не погубивший во имя этого свои лучшие годы и состояние? Не может быть, — шептал он, как бы отгоняя этим назойливую мысль. — Если бы доктор успел, я бы первым получил от него весть. А ее нет.

Неуверенно, колеблясь, он подошел к шкатулке, стоявшей невдалеке, и включил фонограф. Минуты ожидания ему начали казаться необычно долгими. Ему казалось, что они снова превращаются в те томительные три года, в течение которых ящик ни разу не принес весть от друзей. Вдруг из шкатулки полилась ария тореадора. Бодрая, как жизнь, смелая. как удача. Она кончилась и снова из шкатулки начало доноситься лишь шипение и звук разрядов атмосферного электричества.

Стеверс преобразился, он кинулся к шкатулке и стал искать на ленте фонографа день и час, когда аппарат принял арию.

Неужели? — Это слово настойчиво и неотвязно скакало в голове у Стеверса. — Неужели?

Вдруг из шкафа, стоявшего против камина, раздался звук, похожий на стук. Обернувшись, Стеверс замер. Над шкафом горела зеленая лампочка. С криком восторга, перестав

владеть собой, он бросился к шкафу и через мгновение он уже сжимал доктора в своих объятиях.

Курт Шимер был помещен на следующий день в маленьком летнем домике, отстоявшем на несколько километров от виллы Стеверса. Лиза была при нем самопожертвовательной и неутомимой сиделкой. Курт и она, сами того не замечая, очень подружились. Когда приехала его мать и Лизе нужно было расстаться с ним, обоим было тяжело. В вилле, куда она вернулась, кроме Мирано, никого не было. Стеверс стал неузнаваем. Он, казалось, с приходом «Церона» обрел смысл жизни. Помолодел, был весел и жизнерадостен. Его выбор остановился на Ницце, как на самом подходящем месте, нужным для осуществления задачи, поставленной доктором. По одному или по два он перебросил всех на Ривьеру и разместил их в разных пансионах и отелях. Ждали приезда Лизы и собирали информацию о сезонном золотом обществе. Семья Малера была хорошо здесь известна, ее приезд ожидался изо дня на день. Приближался день карнавала. Наконец, к своим присоединилась и Лиза, которую до Вентимилии проводил Мирано, сердечно простившийся с ней на границе.

В Ницце жизнь проходила очень оживленно между пляжем, катаньем на глассере и посещением Монте-Карло и Канн. Вскоре уже никто не удивлялся, видя ежедневно оживленного Стеверса постоянно в обществе Елены и Лизы. Их кавалеры, Биль и Андрей, делали вид, что мирятся с судьбой и своим присутствием дополняли эту живописную группу, не упуская случая расширить свой круг знакомства. Как только появились здесь остановившиеся в Ницце мать и дочь Малера, благодаря блестящей репутации Стеверса, наши друзья очень быстро познакомились с ними. Окутывая эту семью тысячами мелких услуг, они сделались для них незаменимыми. Перезрелая брюнетка-мать, с подерну-

тыми маслянистыми глазами, начала явно предпочитать общество Андрея всем многочисленным своим поклонникам и он, скрепя сердце, сделался ее постоянным кавалером и партнером в бридж.

Билля же стали часто видеть на теннисе, пляже и в казино вместе с Матильдой. Злые языки начали поэтому утверждать, что, так как Элен увлеклась Стеверсом, то Билль с отчаяния завел с Матильдой флирт.

В это же время доктор и Мехмед тоже работали, не покладая рук. Они начали, каждый в отдельности, с видом опытных дегустаторов, перерывать товар многочисленных ночных коробок и салонов для свиданий Ривьеры. В одном из таких злачных мест, имея уже широкий круг знакомых, они встретились и были торжественно представлены друг другу.

После их стали часто видеть вместе. Говорилось, что Мехмед выбирает товар для своих коробок на Востоке и что рассчитывает успеть уговорить доктора на финансирование такого предприятия в более широком масштабе.

Прошло уже около двух месяцев, но травля в газетах летающего вампира не прекращалась. Каждый день приносил какие-нибудь новые детали или вести о фантастических катастрофах, им вызванных, как и об уничтожении им огромных городов и чуть не государств. Наибольший интерес вызвало известие о нападении на Москву и превращении ее в груды развалин. В прекрасном репортаже, которым заполнились столбцы ряда газет, во всех подробностях, от которых волосы дыбом становились на голове, говорилось об этом.

Несмотря на все опровержения, многие из посетителей Ривьеры выражали уверенность, что все эти опровержения ложь и что на самом деле Москва уничтожена. Но начало чувствоваться, что читатель все меньше начинает интересоваться ужасами, чинимыми летающим вампиром.

При одной из случайных встрече на пляже Билль шепнул доктору, что Матильда получила в подарок прекрасный двухместный автомобиль и извещение от отца, что на ее день рождения он безусловно приедет.

Одновременно, один из хозяев ночных коробок, ставший приятелем Мехмеда, сказал ему под строжайшей тайной, что по разнообразным признакам он считает, что вскоре прибудет всемогущий м-сье Жак, этот бог в нашем деле, — пояснил он для большей ясности — вы поговорите с ним. Скажет он «да», будете богатым человеком, конечно, если будете его слушаться, не думая. В противном случае вы пропадете. Он чересчур большой человек, чтоб можно было бороться с ним.

Несколько фигур стояли вдоль обрыва и, переходя с места на место, они наблюдали, как пневматическими сверлами сверлился камень для закладки взрывчатых веществ, которыми очищалось место для фундамента небоскреба. Внизу виднелся ботанический сад, бухта, казино и улица, делящая Францию от Монако.

С разных сторон, осматривая ведущиеся работы, сходились друг с другом одинокий наблюдатель-доктор с другой группой, состоявшей из дам, Стеверса и Андрея. Все вместе они начали уходить вглубь от обрыва, пробираясь по откосу и кустарнику в глухое место, доминировавшее шоссе, ведущее из Монте-Карло.

— Чтобы не упустить ни один шанс, — произнес доктор, внимательно осматриваясь кругом, — нам необходимо знать совершенно точно, где и как будет проводить свое время здесь Малер. Мехмед будет переговаривать с ним в притонах и следить там за ним. Через его дочь Матильду мы должны знать о его действиях все, что возможно. Я много думал, как это сделать. Через жену нельзя, он с ней совершенно не считается. Остается только, чтобы Билль углубил свой опыт и сделал ей предложение. Примет — Билля увезем. Откажет — тем лучше, но это даст ему возможность, не внушая подозрений, выпытать от нее все, что знает она об отце, и даже познакомиться с ним. Всю информацию от него будет получать и передавать Элен, которая может устраивать ему, чтобы получать как можно чаще информации, сцены ревности, скандалы, вообще все, что придется.

Когда все будет готово, вы Элен и Билль, выедете кататься вечером в лодке и больше не вернетесь в отель. Одни решат, что вы утонули, другие, — что помирились и просто удрали — Элен от Стеверса, а Билль от Матильды. На берегу, там, где окраина города, вас подождет Лиза с одеждой и двумя билетами третьего класса. В нем никого знакомого не встретите. Через Францию и Швейцарию вы попадете на Лого Маджиоре.

Стеверс уедет с Лизой в Италию, а Мехмед и Андрей останутся со мной.

VI

На теннисной площадке велась упорная борьба между Биллем и Матильдой. Казалось, они всю свою энергию и искусство вложили, чтобы победить. Мяч летал взад и вперед, с ракеты на ракету, не касаясь земли. Первой не выдержала Матильда и с досадой ударила со всей силы по мячу, улетевшему далеко за ограду.

— Что с нами, Билли? Мы сражаемся сегодня ожесточеннее, чем игроки сражаются за Дэвис-куп. Это никогда не случалось. Правда, сегодня наша последняя игра. Вы слышали, завтра или послезавтра мы уезжаем на Лидо? Вам не жаль, Билль, что мы расстанемся? — произнесла она.

— Нет, — прозвучало в ответ, — я переезжаю туда вслед за вами. А оттуда в то место, куда снова переедете вы. Разве вам не ясно, Матильда, что я вас люблю?

— А Елена? — прозвучал вопрос.

— Елена! Она меня освободила от всех обязательств своим поведением в отношении Стеверса и все мое чувство к ней скорее долг, взятый мною на себя там, в Азии, где мало белых, а еще меньше белых женщин. Она была врач, окруженная известным ореолом, со средствами, приехавшая добровольно на край света. Я же был случайно ранен, она меня лечила, вот и все. Вас же я просто люблю, Матильда, так как, кроме всего, я уверен, что мы очень под-

ходим друг к другу. — Говоря это, он привлек ее к себе, что она допустила сделать, не противясь. — Ваша мать вас не любит, Матильда, и мне поэтому хотелось бы поговорить об этом с вашим отцом, убедить его отдать вас мне, но вы никогда ни слова мне о нем не рассказали. Где он, чем занят, где и когда его можно видеть?

— Где? — сказала Матильда. — Хоть это тайна, но я скажу вам, сегодня он здесь! Завтра мы, т. е. я, встречу с ним в Монте-Карло, в «Кафе де Пари», вечером около 10 часов. Вы меня проводите, Билль, под каким-нибудь предлогом туда, но говорить с отцом не будете. Почему? Мы оба с ним одинаково смотрим на вещи. Жизнь дана для того, чтобы копить и зарабатывать. Как — безразлично, важно зарабатывать. Это, и ничего другого, должен делать муж, это его обязанность. До замужества любить, так же как и любить своего мужа — это роскошь. Выйдя же замуж, иметь любовника желательно. Иногда это необходимо, в худшем случае — забавно, как лишнее развлечение. Любовником иметь вас, Билль, мне хочется, но, как муж, вы недостаточно богаты и влиятельны. Вы мои слова, я знаю, не поставите мне в упрек, так как мы с вами оба люди дела. Правда, Билль?

— Конечно, Матильда! — последовал его ответ.

— А сейчас, Билль, до обеда пойдем на пляж, где, конечно, уже находится мама со своим русским. Станный он. Она от него без ума, а он денег не берет с нее, делая вид, что не понимает ее прозрачных намеков. Постоянно, как верный, всегда любезный и предупредительный поклонник, он при ней. Это не кажется вам странным, Билль?

— Я думаю, что он поэт, Матильда.

— Поэтому? Может быть, Билль, они ведь странные, несуразные какие-то. Только такой никчемный человек и мог, потратив столько времени, не использовать симпатии к нему моей матери.

VII

Мехмед, войдя в мрачную улицу, нажал на ручку двери, над которой дискретно светилась красная лампочка. Зазвенел оглушительно звонок. Он звонил несколько минут, нарушая тишину улицы. В двери сначала открылось слуховое окошко, через которое посмотрел чей-то пронизательный глаз, и дверь, наконец, распахнулась.

— Я хочу к м-сье Гроссу, — произнес Мехмед.

— Его нет, — мрачно ответил открывший.

— Тогда к Сюзанне!

И, отстранив швейцара, мимо залы, из которой несся звук фокстрота и веселые возгласы, мимо отдельных номеров он поднялся по лестнице на второй этаж. Минувя несколько дверей, он, не стучась, повернул ручку и вошел в роскошно, но безвкусно обставленный салон. На столике лежали в разнообразных переплетах многочисленные альбомы, часть с порнографическими карточками, часть с фотографиями, по которым мог выбирать женщин лишь высший класс гостей этого семейного дома. Ковры заглушили шум шагов Мехмеда и поэтому в соседней комнате, будуаре Сюзанны, куда дверь была лишь прикрыта, не услышали, как вошел Мехмед. Услышав лебезящий голос Гросса, обращенный к кому-то, кого он называл Жак, Мехмед настоужился. Недолго думая, он распахнул дверь и, одновременно произнеся: «Таким образом, Сюзанна, ты принимаешь старых друзей», вошел.

Сюзанны в будуаре не было. Там сидели двое. Настало неловкое молчание, которое нарушил Гросс и, с видом осужденного на смерть, он представил Мехмеда сидевшему. Тот в ответ лишь чуть кивнул головой, пронизывая Мехмеда насквозь своими небольшими выпуклыми глазками. Мехмед извинился за свое вторжение, заявив, что он заранее сговорился с Сюзанной о том, что придет в этом часу, и сделал вид, что хочет выйти. Гросс, видимо обрадовавшись возможности прекратить бывший для него неприятным разговор с глазу на глаз, начал Малеру объяснять проект Мехмеда

— устроить в местах скопления войск в Азии ночные коробки. Дополняя этот план, разукрашивая его и оттеняя в нем могущие быть для Малера особенно интересные, по его мнению, места, он делал все, чтобы заинтересовать Малера. Недовольный и испуганный огонек в глазах Малера начал исчезать. Он заинтересовался проектом. Целым рядом мелких, перекрестных, профессиональных вопросов, облеченных в игривую форму, он прощупывал насквозь Мехмеда.

В зеркало Мехмед увидел фигуру Сюзанны, застывшую на пороге, устремив пораженный взгляд на Мехмеда. Из этого состояния ее вывел Малер, сказав:

— Шампанского!

С тем же пришибленным видом она исчезла. Малер же, обращаясь к Мехмеду, сказал:

— Я люблю эту отрасль промышленности, как мы называем ее с Гроссом. В предприятие Гросса я вложил немного денег и не раскаиваюсь. У Гросса хорошие профессиональные связи и он не откажется познакомить вас со своими приятелями, занимающимися тем же в ряде других городов. Когда вы увидите организацию здесь, через Гросса мы спланируем и я вам вперед говорю, хотя больших денег у меня нет, но то малое, что есть, будет достаточно правильно организовать и более крупное дело. А пока пусть Гросс вам покажет альбом, который я ему привез в подарок, он там, на столике.

Когда Мехмед возвращался на свое место, ему показалось, что Гросс засовывал в карман клочок бумажки. Появилось вино и Гросс, извинившись, ушел привести новоприбывший товар. Новый товар фотографировали в самых разнообразных позах и Мехмед заметил, что объектив несколько раз случайно захватил и его. Малер был душой общества и, лишь когда стало совсем светло, они расстались. Прекрасный лимузин подкатил к Малеру в тот момент, когда он вышел, и он, дружески махнув рукой, исчез в нем. Мехмед же вернулся на такси домой и сейчас же по телефону на тибетском наречии рассказал доктору все происшедшее. В восемь часов утра доктор уже был в автомобиль-

ном представительстве, желая купить автомобиль, точно описанный Мехмедом. Условием передачи заказа было посмотреть эту машину, будь это днем или ночью, и условно доктор дал огромный задаток. В 4 часа дня к нему прибежал представитель, который повел его в кафе, где они встретились с шофером Малера. Чек сделал шофера предупредительным и сговорчивым. Он согласился в пятницу вечером в Монте-Карло, где Малер сказал ему, что проведет несколько часов, показать доктору автомобиль во всех его подробностях.

В «Кафе де Пари» вечер был в разгаре. За большим столом, держа поднятый бокал, говорил Малер тост по случаю дня рождения дочери. Его жена была грустна, так как Андрея не было. Не было и Лизы, у которой она могла бы узнать причины его отсутствия.

Между казино и кафе шофер объяснил доктору достоинства автомобиля и, на его просьбу показать его в работе, подкрепленную банкнотом, он, убедившись, что за столом Малера веселье в разгаре, согласился проехать с доктором по Монако. Сидя в лимузине, доктор выключил в нем свет, говоря, что он ему режет глаза. Через десять минут шофер подъехал к кафе и доктор, поблагодарив его, ушел. В третьем часу расстались. Стеверс в своем автомобиле вместе с Элен, а за ними Билль, жена и дочь Малера поехали в Ниццу в то время, как автомобиль Малера выехал на дорогу, ведущую в Канн. Радостное настроение Малера было встревожено запахом дыма, который он стал все сильнее чувствовать. Он приказал остановиться. Не успел автомобиль стать, как сзади послышались гудки и их догнал потрепанный «Ланчо», в котором сидел пьяный Мехмед. Тормоза автомобиля закрипели и он стал рядом. Мехмед ругался в нем. Малер прервал бешеный поток ругательств, обращенные им на своего шофера, тщетно старавшегося установить, что горит. Обрадовавшийся Малер заговорил с Мехмедом и, узнав, что тот едет в Рим, попросил довести его до Канн. Он очень поблагодарил его за помощь. В это время Андрей, бывший в форменной одежде шофера, осмотрев с видом специалиста лимузин, полез под кузов. Вы-

нырнув оттуда, он, обращаясь к Малеру, сказал, что тлеет кузов снизу, над осью, вероятно, от короткого замыкания электрических проводов.

— Выключите аккумулятор и этим, — сказал он, вытаскивая из-под сиденья маленький огнетушитель, — вы потушите пожар. Часа через два сможет довести шофер вашу машину до хорошего гаража.

Он сел за volant и его машина, закрихтев, сдвинулась с места.

— Что за духи, черт возьми, употребляете вы, мой дорогой Жак? — сказал, обращаясь к Малеру, Мехмед, — они мне удивительно нравятся, я уверен, что женщину — в особенности вашу европейку — они могут свести с ума.

— Но и вы не промах, — ответил Малер, — я уверен, что и у вас для них в запасе самые невозможные вещи.

— Вы правы.

Говоря это, Мехмед порывлся у себя в саквояже и вынул оттуда изящную коробку с разноцветными всех форм конфетами, — это зовется «Поцелуй Востока». Попробуйте. А это, — сказал он, открывая пробку на прелестном граненом флакончике, — это «Радость жизни». — Малер, заинтересованный, положив в рот конфету, наклонился над флаконом. — Дивно, — произнес он и завалился на спинку сиденья.

Несколько минут, не шевелясь, зорко, в упор смотрел на него Мехмед. Малер не шевелился, погрузившись в сон. В Каннах за ними последовал двухместный маленький спортивный автомобиль, в котором сидели Лиза и доктор. Когда огни Канн перестали виднеться, Андрей остановил машину. Мехмед пересел к Андрею. Рядом с Малером, взяв все его документы и бумажник, поместился доктор.

— Лиза, ты останешься с Стеверсом. Мы не сможем тебя ожидать, так как немедленно нам нужно будет уничтожить все следы. Если тебе не понравится, поселись, где хочешь, но не теряй связи. Знаешь с кем. Мы не сможем ждать ни Билля, ни Элен. Пусть они сделают вид, что помирились, можно проделать это проще, и пусть продолжают на твоём автомобиле свой путь вокруг света, но тоже не теряя связи.

Поцелуй их.

Несколько рукопожатий и Лиза осталась сама. «Ланчо» еще раз мелькнул на повороте; ей показалось, что кто-то из него машет ей рукой; из-за намернувшейся ей на глаза слезы она не смогла рассмотреть. Дорога на Вентимилию, по которой скрылись ставшие ей близкими люди, была пуста. Со стороны Канн приближался грузовой автомобиль. Лиза села за руль и, проехав еще вперед сотню метров, повернула автомобиль и, дав газ полным ходом, нигде не задерживаясь, покатила в Ниццу, желая как бы встречным ветром разогнать печальные мысли.

На границе тяжело больному финансисту, часто теряющему сознание, спешащему с домашним доктором и секретарем в свою виллу, куда завтра должны собраться на консилиум все лучшие швейцарские и итальянские доктора, все шли навстречу. В семь часов утра, оставив за собой Сен-Ремо, «Ланчо» уже карабкался в гору по дороге к Лаго Маджоре.

В начале тенистой длинной аллеи, ведущей в виллу, стоял извещенный Биллем Мирано. Немногочисленная прислуга виллы была еще Стеверсом отпущена в отпуск при его отъезде на Ривьеру. Сторожа же рано утром Мирано услал с письмом к Шимеру, прося того под каким-нибудь предлогом задержать его до вечера. Кухарку же он услал в Сен-Ремо выяснить условия регулярной поставки морской рыбы для Стеверса. Из открытого гаража, куда сразу въехал «Ланчо», Малер, вложенный на всякий случай в огромный сундук, прикрепленный сзади к автомобилю, общими усилиями через кабинет Стеверса был отнесен на «Церон». Доктор и Андрей остались с ним, приводя его в себя. Мирано и Мехмед, захватив с собой увесистый ящик, вернулись в гараж. Прежде всего они вылили весь оставшийся бензин, масло и воду, разлив их на земле за гаражом. Затем, поставив аппарат, включили его в электрический штепсель, бывший в гараже, и Мирано, держа руками эластичный кабель, выходящий из аппарата, начал по очереди направлять его на отдельные части автомобиля. Мирано неумоимо поливал машину невидимой струей огня, пока неметалличе-

ские части машины не сгорели, а металлические не образовали бесформенную грудку спекшегося металла. Когда нечего было больше сжигать, Мехмед понес аппарат обратно на «Церон», а Мирано из водопроводной кишки начал поливать металл. Это продолжалось долго. Когда металл охладел настолько, что до него можно было дотронуться рукой, он в несколько приемов перенес его на «Церон», привязав его снаружи таким образом, чтобы можно было вдаль от берега, отвязав веревку, сбросить эти куски в озеро.

Уничтожив все, что могло указать на присутствие их на вилле, Мирано позвонил к Шимеру, прося его приехать к нему на ужин. День уже клонился к вечеру, когда Шимер вместе со сторожем въехали во двор виллы. Поужинав с ним, Мирано приказал кухарке и сторожу идти к себе и, перейдя с Куртом в рабочий кабинет, выждав короткое время, спустил ставни. Он написал коротенькое письмо сторожу, уведомляя его, что неожиданно вызван в Ниццу. Затем, открыв перед удивленным Шимером шкаф, по туннелю начал с ним спускаться вниз. Их спуск продолжался долго, до их ушей все явственнее доносился гул разбивающихся о скалы волн. На озере был сильный ветер. Наконец, спуск кончился, перед ними блеснула вода, а на ней вплотную к набережной колебался на воде «Церон». По удобному мостику они перебрались на его палубу, а оттуда через открытый люк спустились вовнутрь. Там их ждал Андрей, который, поздоровавшись с Шимером, попросил их пойти за ним. Миновав ряд кают, они вошли в салон, в котором находились трое: Мехмед, доктор и пришедший в себя Малер. Малер все время благодарил Мехмеда, рассказавшего ему, как он, вероятно, от переутомления, не доезжая Канн, упал в обморок. Мехмед его уверил, что сейчас с минуты на минуту должен появиться вызванный им лучший доктор, который скажет, можно ли ему продолжать путь.

— А вот и он, дождались, — с улыбкой произнес доктор, увидя входящего с Андреем Шимера. Вытянув перед собой руки, диким, нечеловеческим голосом Малер закричал:

— Нет, нет, это не я, они... — на губах показалась пена и он свалился, как мешок, на пол. Его переложили на диван,

а доктор склонился над ним. Мирано и Андрей проводили Курта и помогли ему выбраться наверх. Все трое были потрясены и молчали. Прощаясь с Куртом, чтоб нарушить тягостное чувство, Андрей ему сказал:

— Лиза осталась. С Стеверсом она, вероятно, заедет сюда.

От этих слов Шимер весь просиял и, сжимая ему со всех сил руку, прошептал:

— Это правда? Как я рад, я не мог никак примириться с тем, что больше никогда ее не увижу.

Он стоял, как очарованный, смотря, как исчез внутри корабля мостик, запахнулись двери ангара, и «Церон», чуть лаская поверхность воды, вышел наружу. Ворота захолопнулись, и Церон исчез. Снаружи, на озере, ревела буря. А Курт все стоял, смотря вглубь наступившей ночи. Наконец, он очнулся и медленно начал подниматься по туннелю, не зная, пригрезилось ли ему то, что было, или случилось на самом деле.

Наконец, Малер на мгновение пришел в себя.

— Где я? — с испугом спросил он у склонившегося над ним доктора.

— В руках у вампира, — прозвучал жестокий ответ.

Животный, дикий страх отразился в его взгляде. Он начал дрожать, ломая руки; кричать он не мог, его горло давили спазмы, он подвывал.

— За что меня, за что? Я бедный, я маленький; они, они меня заставили. Они, они, Леви, Джонсон; за...

Вой прервался, у него закатились глаза, и он упал навзничь, по его телу пробежала судорога. Доктор вышел. Когда он вернулся, все было кончено. Он нашел Малера уже мертвым с закатившимися глазами и лицом, сведенным судорогой. Доктор позвал остальных и, пока «Церон» снижался, Малера, покрытого простыней, выносили на палубу. Там его положили на доску, быстро, с гадливым чувством, к его ногам привязали куски метала, представлявшие из себя день тому назад уютный и удобный «Ланчо», и столкнули труп в воду. На воде показались круги. На палубе было холодно, ветер резал лицо, но никто не сходил с

нее. Потом медленно, один за другим сошли вниз, стараясь не задерживаться в салоне, где перед этим находился Малер. То же было и с доктором, но, дойдя до своей каюты, он резко повернулся и вернулся в салон. Там он включил свою станцию, и весь «Церон» огласился звуками гимна Севера. Сделав над собой усилие, он сел на диван, на котором лежал Малер. Один за другим появились в салоне остальные. «Церон» в это время, глотая пространство, все больше и больше приближался к цели.

VIII

Таинственный взрыв в Гималаях не только был сенсацией дня, но и имел глубокие политические последствия. Гималайский массив, тысячелетиями считавшийся проходным лишь в двух местах, предстал теперь перед заинтересованными государствами совсем в другом свете. Эти горы из традиционного защитника всех находящихся у их отрогов вдруг превратились в злейшего врага их, лукавого и коварного. Каждая партия туристов, отправляющаяся на экскурсию на Гималаи, возвращаясь оттуда, приносила с собой все новые и новые доказательства того, что случайный или умышленный взрыв уничтожил прекрасно укрепленное и снабженное, настоящее ястребиное гнездо. Собирая от туристов различные вещественные доказательства, а главным образом их предположения и вымыслы, многочисленные агенты сейчас же доставляли все по назначению. Разубедить кого бы то ни было в том, что в этом гнезде не было крепости с гарнизоном в несколько тысяч человек, — не было уже возможно. Каждый начал подозревать своего соседа в том, что именно он создал это гнездо, и задумывался над тем, что сделать, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Чем любезнее и изысканнее были взаимные отношения, тем большее количество миллионов передавалось в специальные фонды для тайного вооружения. Интуитивным путем эти настроения передавались по всему миру,

сея растерянность и злобу во всех кругах населения. Через печать становилось все труднее руководить общественным мнением. Происходило обратное, настроение масс вынуждало печать приспособиться и постепенно превратиться в зеркало толпы.

У Леви и Джонсона работа кипела. Огромный, занимавший несколько этажей концерн, руководивший бесконечным количеством разнообразных предприятий, казался временами муравейником. Мозг его помещался в центре здания, он был совершенно изолирован и защищен от суеты конторы. В него имели приступ только жрецы деловой касты. Как ни пытались вдова и дочь Малера добиться свидания с главой концерна, это им не удалось. Всегда следовал один и тот же стереотипный ответ: — в отъезде. Но судьбу Малера в концерне не забыли. Для них самой неприятной стороной этого эпизода было то, что загадка его исчезновения до сих пор оставалась нерешенной, и что их деньги оказались бессильными ее раскрыть. Еще неприятнее было то, что они не знали до сих пор того, кто нарушил их стройный план, заставил потерять миллиарды и вынудил их, когда они уже были накануне успеха, перестраивать заново всю организацию. В последнее время у них не все ладилось. Струя золота, лившаяся к ним раньше, все увеличиваясь, давала перебои, начала капризничать. Управлять общественным мнением становилось все труднее. Чтобы не быть раздавленными событиями, нужно было все больше и больше лавировать и приспособляться. Чувствовалось, что концерн не мог сойти с мертвой точки. Они надеялись из происшествия с Малером извлечь для себя полезные данные, но это не оправдалось, так как оно только запутало и осложнило все до крайности. В один из таких моментов, когда, несмотря на всю свою мощь, они особенно ярко ощущали свое бессилие, Леви вошел в кабинет Джонсона.

— Я думаю, Джонсон, что вы так же, как и я, хотели бы окончательно расчистить обстановку. Та неизвестность, в которой мы находимся, очень мешает работе и все чаще заставляет делать ошибки, которые становится все труднее поправлять. Уже много раз нам отказали в заказах там, где

еще вчера души в нас не чаяли. На печать приходится тратить бесконечно много не чтобы заработать, как прежде, а чтобы хоть насколько-нибудь уменьшить убытки. Точно то же происходит почти без исключения во всех наших делах. Наш страх перед этим неизвестным страшилом породил боязнь всюду, а эта боязнь наносит нам огромный убыток. Завтра же, поэтому, необходимо сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Для этого испробуем следующий способ; я его изложил на этой бумажке.

Джонсон молча взял ее в руки. Клочок бумаги содержал текст обращения концерна ко всем. Он гласил:

«Техника людям, не имеющим моральных устоев, дала возможность, даже в наше культурное время, стать пиратами — вампиром.

Они погубили стратоплан — это величайшее культурное достижение человечества за последние сто лет!

Они устроили в Гималаях разбойничье гнездо, которое лишь благодаря счастливой случайности погибло раньше, чем смогло принести ужасный вред всему миру!

Они виновники лихорадочной подготовки всех без исключения к войне!

Они враги человечества!

Концерн образует фонд для борьбы с ними до полного их истребления.

Концерн жертвует на эту борьбу сто миллионов франков.

Жертвуйте все. Жертвуйте и сантимы и миллионы. Наша жизнь, наш прогресс, наша судьба от этого момента находится в наших собственных руках. Жертвуйте!»

На следующий день утренние газеты всего мира объявили этот текст.

В вечерних же газетах огромными буквами было напечатано новое обращение концерна. Оно произвело еще более сильное впечатление. В нем было: — «Поддержите нас в нашем крестовом походе против вампира, который посягает на жизнь и культурные достижения века. Поддержите нас все те, кто не хочет крови».

Борьба началась.

IX

Моросил нудный осенний дождь. В узкой грязной улице перед серым облинялым двухэтажным домом с закрытыми железными ставнями остановилось такси. Приехавшим пришлось прождать довольно долго, пока раскрылась массивная входная дверь. Сморщенная старуха, сгорбившись, медленно повела их через коридор, по широкой деревянной лестнице с протертыми дубовыми ступеньками, во второй этаж. Оставив пришедших на верхней площадке, она ушла докладывать. Вскоре старуха вернулась и повела их через большую мрачную гостиную, с мебелью, покрытой чехлами, в кабинет. В нем в старинном кресле сидел Леви с двумя гостями. Он кивком головы ответил на поклон приехавших и попросил их сесть. Живописную группу представляли собой собравшиеся в кабинете. Все они резко отличались друг от друга, но все же на всех них лежал какой-то общий отпечаток. У большинства из них были сгоревшие от солнца лица, а одежда плохо маскировала их экзотичность. Смокинг или обычный пиджак не были в состоянии скрыть их профессию и веру. Их выдавал ряд характерных мелочей. Это были миссионеры из Азии и Африки. Один из них, туземец с широким скуластым лицом, был алеут — глава христианской пропаганды на Аляске и Дальнем Севере. Хоть осень только начиналась, он был одет в пальто с меховой подкладкой и не рискнул снять его даже в кабинете у Леви. Корректно был одет последователь Конфуция: запрятав свою косичку под фетровую шляпу, так и ходил в ней, не снимая ее с головы. Последователь Браммы был в тюрбане и хорошо сидевшем на нем смокинге, такое сочетание невольно бросалось всем в глаза. Раввин из Тель-Авива не рискнул расстаться со своими пейсами. Лишь два миссионера не прибегли к переодеванию. Это были: иезуитский монах и буддист.

Собравшиеся не особенно дружелюбными взглядами ощупывали друг друга. Как только они разместились, к ним обратился Леви.

— Мы побеспокоили вас, — сказал он, — по следующей причине. На наш призыв бороться с вампиром отозвался весь земной шар. На третий день организованный нами фонд превзошел уже миллиард франков. На третий месяц борьбы он достиг двух миллиардов. Большинство государств пошло нам на руку. Благодаря этому смогли мы установить, что ни на одной государственной территории вампир создан не был. Значит, его создавали в такой местности, которой из-за ее отдаленности и первобытности какое бы то ни было государство владеет лишь номинально. Фактическими владельцами таких территорий искони являлись вы, духовные отцы. Вы находитесь в постоянной связи с населением таких местностей. Лучше других вы знаете слабые стороны и недостатки этого населения, просвещая и духовно осваивая его, часто даже ценою ваших жизней. Ваша работа всегда была подвиг. Теперь же, когда над миром ширится вал безверия, ваша работа становится еще труднее, а путь тернистее. Средств, необходимых вам для пленения душ в ваших центрах, становится все меньше. Приток денег в ваши духовные центры замирает, так как пересохли источники, откуда они лились. Мы вам дадим нужные вам средства; от нас, затеявших величайшее человеколюбивое дело, вы должны будете их принять. Только общими силами, только с вашей помощью мы сможем успешно окончить начатый нами крестовый поход против злодеев.

Видя, что слова Леви произвели сильное впечатление на присутствующих, Джонсон поспешил использовать это.

— Господа, — произнес он, — в доказательство того, как мы вас ценим, мы вам покажем то, что еще никто в мире не видел.

Лед был пробит, находившиеся в кабинете начали обмениваться впечатлениями. Они разбились по группам, рассказывая, как в их частях света реагировали на последние события. Самой живописной группой безусловно были: китаец, раввин и иезуит. Они оживленно объяснялись на ломаном русском языке. Джонсон вышел, Леви же молчал, утомленно откинувшись на спинку стула. Он не изменил

своей позы и тогда, когда все пошли за Джонсоном в другую комнату.

В ней киноаппарат показал сначала посадку пассажиров в стратоплан и его старт. Вторая картина показывала место катастрофы, были видны лишь куски мяса, перемешанные с деревянными и стальными обломками машины. Затем на экране появилось несколько душераздирающих сцен, снятых на похоронах погибших в стратоплане. На полотне появилось большое число — это был день и час гибели стратоплана. От него шли две черные стрелки с золотыми наконечниками. Одна из них показывала на стратоплан, другая на «Церон». Сеанс кончился. Чуть тлевшее в газовых рожках пламя снова вспыхнуло ярким светом. Встав, все направились в кабинет Леви.

Х

Был полдень. Двор миссии, находившейся на границе девственного леса, был раскален тропическим солнцем. Не обращая внимания на жару, во дворе темпераментно объяснялись два негра. Причина их ссоры была несложна. Их коллега, несший обязанности судомойки, умер на днях. На днях же они его и похоронили. С тех пор некому было мыть посуду и груда немых тарелок увеличивалась с каждым днем. Два оставшихся негра — повар и камердинер — без умолку все время спорили о том, кто это должен сделать, не прикасаясь к грязной посуде. Они прекратили ожесточенный спор, услышав над головой шум пропеллера. Увидя, что аэроплан спускается над миссией, они переглянулись и побежали в кухню, начав там дружно перемывать тарелки.

Аэроплан, сделав несколько кругов над миссией, спустился. Из него вылез одетый в пробковый шлем Джонсон, за ним вылез пилот, обратившийся на языке суахили к подошедшим к ним неграм. На вопросы пилота они ответили на исковерканном французском языке. Из их ответа было мало толку. Можно было только догадаться, что шеф

миссии, тоже на аэроплане, улетел несколько дней тому назад. Всей группой они направились к дому, который был сделан из тех пород твердого дерева, чье строение напоминает мрамор. Пилот Паоло сел в столовой, приказав повару принести виски, остальные же три: Джонсон, обезьянка и не спускавший с нее глаз негр вошли в комнату шефа миссии. Осмотревшись в ней, Джонсон направился к маленькой панцирной кассе, стоявшей у подножия кровати. Открыл ее имевшимся у него ключом и, вынув оттуда небольшую тетрадку, закрыл кассу. Прodelав это, он обернулся. Обезьянка, заинтересованная безделушками на этажерке, с любопытством смотрела на них, а негр с трепетом следил за каждым ее движением. Джонсон, перейдя в столовую, налил себе стакан соды и начал просматривать тетрадку, на обложке которой красовалось имя концерна. Пока он читал, Паоло, поиграв с обезьянкой, вышел на веранду и начал дразнить сидевшего там попугая. Приближались сумерки. Джонсон, вторично перечитав слухи, собранные в области озера Чад, закрыл тетрадку и отнес в комнату патера на старое место. Вернувшись, он вынул из своего портфеля записную книжку, в которую была вделана маленькая географическая карта. В ней, при помощи вечного пера, он начал чернилами замазывать области центральной Африки. Незамазанными оставались лишь часть Азии и полюса. Паоло, кончив возиться с животным, вернулся в столовую. Увидя, что делает Джонсон, он спросил его:

— Скажите, господин Джонсон, почему вы по прочтении такой тетрадки каждый раз в карте блокнота замазываете чернилами ту область, которую вы посетили?

— Паоло! — ответил Джонсон, — каждый в жизни чем-либо занят; вы, например, возите пассажиров, я мажу географические карты чернилами. Но вместо того, чтобы говорить о несерьезных вещах, пожалуйста, объясните мне, как я проще всего отсюда могу попасть на Памир и на Аляску.

— Я видел, господин Джонсон, за время моей службы самых разнообразных пассажиров, но пассажира с таким вкусом я встречаю впервые. Джунгли Индии, Сахара, озеро Чад, оттуда на Памир и на Аляску! За все время такого

путешествия, кроме шакалов и ведьм, при всем желании никого не встретишь.

— Каждый, милый Паоло, сходит с ума по-своему; поэтому я исключительно и выбрал такой маршрут. Но вы так мне и не сказали еще, как проще всего отсюда попасть на Аляску?

— Можно попасть туда, пользуясь регулярными линиями. Можно попросить ведьм — они, я уверен, пойдут навстречу — и на их метле поехать туда. Наконец, я могу вам предложить еще одну комбинацию, думаю, что она вам подойдет. До Анкары я имею вас право довести, а оттуда, пользуясь русскими воздушными линиями, вы быстро попадете на Памир и Аляску.

— Сколько времени вы потратите, Паоло, чтобы доставить меня до Анкары?

— Если вы мне дадите в Леопольдвиле день-два сроку, чтобы привести мою машину в порядок, в понедельник днем вы будете в Анкаре! Да! Ведь пока я буду чиниться, вы сможете войти в связь с Анкарой и заказать аэроплан на понедельник. В тот же день вы сможете продолжить ваш путь дальше.

— Я согласен, — сказал Джонсон, — а теперь спать.

Вскоре весь дом погрузился в сон, не спала лишь обзьянка и не спал тропический лес. При свете первых лучей утреннего солнца аэроплан взлетел и, сделав круг над миссией, исчез за горизонтом.

В Анкаре было оживленно. Село в недавнем прошлом, она была сейчас бойким, промышленным городом. Ее по праву прозвали душою Ближнего Востока, но, конечно, востока активного, а не сонного и ленивого, которым многие, по старой привычке, продолжали ее считать.

Паоло сидел на веранде ресторана, сося через соломинку виски. Сегодня днем он отправил Джонсона дальше. Паоло размышлял; он делал это неохотно, лишь в исключительных случаях. Поведение Джонсона было настолько странным, что оно даже его вывело из состояния равновесия. В продолжение месяца Джонсон заставил повозить себя вначале по самым пустынным местам Малой Азии,

потом по малоизвестной части Индии и наконец, облетев всю Африку, в Анкару, откуда продолжил дальше свое сумасшедшее, по мнению Паоло, путешествие. Такого пассажира за свои двадцать лет практики Паоло встретил впервые. Наконец, ему надоело думать и он начал скользить взглядом по проходящим мимо. Из этого состояния вывела его рука, легшая ему на плечо. Перед ним, вместе с молодой и элегантной дамой, стоял Курт Шимер. Паоло, забыв даже выругаться, сжал Курта в своих медвежьих объятиях. Несмотря на протесты Курта, он долго его не выпускал из них. Когда затем Курт представил его молодой даме, сказав при этом: моя жена, — Паоло так сжал ей руки, что у нее выступили слезы на глазах. Далеко за полночь они сидели вместе, без умолку рассказывая друг другу пережитое ими за те годы, когда они не виделись. Полночь уже давно прошла, когда Паоло начал рассказывать о своем путешествии с Джонсоном. Он красочно описывал свой полет с ним и совместную жизнь в течении месяца. Затем, подмигнув Курту, он сказал, что все-таки смог обмануть хитрого Джонсона, который ни за что не хотел фотографироваться. Общество же Паоло, ради собственной рекламы, во что бы то ни стало требовало от него достать фотографию такого исключительного пассажира. Паоло гордо сообщил, что он смог это сделать в Леопольдвиле, и показал при этом фотографию. На ней виднелось подернутое загаром лицо Джонсона с глубокими складками у рта, узкие губы и массивный подбородок. За ним стоял, улыбаясь, Паоло, держа в руках маленького леопарда, пытавшегося укусить его за палец. Лиза от этой фотографии пришла в восторг и попросила Паоло подарить ей ее. Паоло сделал это очень охотно. Они расстались лишь с первыми лучами зари и, лишь когда за Куртом и Лизой захлопнулась дверь гостиницы, Паоло пошел к себе домой.

ХІ

Перед Леви сидел маленький человек с птичьим лицом. Это был лондонский агент концерна, приехавший, чтобы сообщить о результатах своей работы. Читая объемистый доклад быстро, без остановки, он переусердствовал и даже задышался. Кто-либо со стороны, не зная, что он делает, мог бы подумать, что маленький человек вбежал без передышки на восьмой этаж. Его доклад был полон остроумных выражений и содержал ряд предположений, принимая которые за чистую монету, можно было прийти к убеждению, что раскрыв судьбу ледокола «Церон», можно было бы узнать, где вампир и каковы его цели.

Леви не прерывал докладчика во время его чтения. Но лишь тот кончил, он произнес:

— Можете идти.

— А доклад? — испуганно спросил агент.

— Передайте его концерну, — прозвучал ответ Леви..

Так изо дня в день он пропускал через себя один за другим доклады, полные самых разнообразных предположений, но ничего не дававшие по существу. Доклады эти приходили из самых разнообразных местностей и государств. В таком же духе были и рапорты Джонсона, присылаемые им из всех закоулков мира. Чем больше Леви претерпевал неудач в своих розысках, тем больше он упорствовал.

Наконец, пришли известия из далекого севера. Активность, проявленная там главой алеутской миссии, давала право надеяться на некоторый успех, так как таинственный ледокол, пять лет назад ушедший в неизвестном направлении, хоть кем-нибудь из чукчей должен был быть замечен. Вскоре за тем пришел и рапорт Джонсона, написанный им на Аляске. Оказывается, что глава алеутской миссии привез из Парижа на родину много литографий и несколько гипсовых моделей «Церона». Всеми правдами и неправдами этими изображениями он сумел снабдить немногочисленное население, живущее в полярном круге. Его люди одновременно уверили туземцев, что Бог, являющий-

ся в таком виде, приносит счастье увидевшему его. А он, как его наместник, кто покажет ему из какой льдины, скалы или моря выходит Бог, подарит много долларов, снаряжение для охоты, джина и даже говорящую машину. Последствия такой пропаганды должны были выясниться скоро, так как полярное лето было на исходе. — Работая, Леви все сильнее ощущал новое для него чувство, которое он никогда не испытывал раньше. Ему казалось, что он должен что-то сделать, но что именно, он не знал. Случай ему помог узнать это. У Леви в жизни было единственное существо — внучка, чьи просьбы он выполнял, не взвешивая, насколько их выполнение выгодно ему, и на чьи вопросы он отвечал искренне, не лукавя. Услышав, что на днях ей нездоровилось, он, улучив свободный момент, поехал к ней и застал ее играющей с подружкой. Она радостно кинулась ему на шею и, весело тормоша, убеждала Леви купить ей новые игрушки. Видя, что Леви колеблется, она, сделав серьезное лицо, сказала ему:

— Доктор, который в больших очках ходит, сказал, что я заболею, если у меня не будет новой игрушки, и может быть, даже умру.

Возражать было нечего. Вскоре Лили и Леви вместе входили в большой магазин детских игрушек. Не обращая внимания на приказчиков, они ушли с головой в сказочный мир, раскрывшийся перед ними, как бы забыв, что все красавицы, короли, зверьки и страшилища безжизненны. В одном из помещений магазина целый угол был занят фигурами и сценами, художественно изображавшими все характерное в Японии. Как зачарованные, они одновременно остановились и, не отрываясь, смотрели на эту прелестную картину. В ней можно было найти: японский флот, величественно плавающий в волнах ваты цвета морской воды, блокируя Панамский канал, над флотом дирижабль, в стороне традиционная любовная парочка, собирающаяся броситься в кипящую на дне вулкана лаву, чайные домики с гейшами, японский крестьянин, работающий на рисовом поле, японские самураи в блеске своего величия, подпоясанные старинными мечами, как и все остальное, экзотич-

ное и интересное в стране восходящего солнца. К вечеру все это царство переехало к Лили, которая в его честь назвала свою комнату японской. Леви всю ночь не смыкал глаз. Но когда утром ворчливая старуха внесла ему в кабинет горячее кофе, он уже больше не ощущал прежнего тягостного чувства. Он сейчас совсем точно знал, что ему нужно сделать.

XII

Джонсон в 10 час. по европейскому времени уже изучал пришедшую от Леви подробную радиоинструкцию. Вечером на аэроплане он уже летел в Нагасаки. Прилетев туда, он сейчас же уведомил Леви о своем прибытии учтивой телеграммой, составленной в японском стиле. Благодаря ряду поездок: по островам, в Корею, в Манчжурию по Гири-Хойренской железной дороге, Джонсон стал входить в курс дальневосточных дел и постепенно вникал в настоящее положение страны. Многочисленные агенты концерна одновременно давали ему возможность завязывать связи там, где он считал это нужным. Чем больше Джонсон узнавал страну, тем больше он убеждался в неправильности своего прежнего подхода к ней. Он постепенно все больше склонялся к тому, что именно эта страна — тот инструмент, который недоставал концерну для сведения счетов с «Цероном». Он ясно понимал, что несмотря на всю предупредительность и вежливость, с которой его всюду встречали, ему будет очень трудно приобрести доверие главных действующих лиц. Ему начинало казаться, что он уже начинает разгадывать настоящие причины постоянного агрессивного поведения этой страны. Он уже был почти уверен, что все заявления о том, что хочет Япония, как и гордые уверения в ее исключительной мощи, ничто иное, как защитная вонь, слизь или перемена цвета, т. е. то, к чему прибегают для самозащиты маленькие, перепуганные насмерть животные. Но перед тем, как выработать свой окончательный план

действий, он всюду, даже в истории этой страны, искал подтверждения своих догадок. Для этого он с выдержкой пуританина овладел в совершенстве диалектикой азиатов. Всюду при посещении храмов, на ловле рыбы чайками, на празднествах и прогулках, всюду, где представлялась хоть малейшая возможность, он собирал всевозможные данные. Он узнал все интересное для него из войн Японии с Китаем, Россией и Германией. Факт, что война России была объявлена в военном совете лишь большинством одного голоса и то голоса Микадо — подтверждал его предположение. Подтверждалось оно блестяще и в случае войн с Китаем и Германией. Джонсону становился понятным весь фейерверк угроз, исходящих отсюда в направлении Филиппин, Индии, Австралии, Панамы. Он понимал, почему эта страна создавала пачки буферных государств, даже рискуя из-за этого обанкротиться. Джонсон больше уже не колебался; он знал, что страной самураев руководит исключительно простой животный страх за свою безопасность, боязнь потерять свое море, свои острова, свое солнце. Эта страна со страхом до сих пор вспоминает про то, как распоряжались ею сто лет назад адмиралы черной эскадры. Северный ветер напевает ей постоянно сказку про то, что восходящее солнце льдин растопить не может, но угаснуть от них может. А всепожирающая китайская саранча, легко убиваемая, но даже мертвая, оставляет пустошь после себя. Усвоив, что страх перед будущим — главный действующий фактор в истории страны, Джонсон стал энергично действовать. На нескольких конференциях он постепенно познакомил видных деятелей, принадлежащих к кругам, близким правительству, с борьбой концерна и с деятельностью самого вампира. Зная слабую сторону собеседников, Джонсон действовал уже наверняка. Методично, с упорством воды, долбящей камень, он разворачивал перед аудиторией все этапы пока безуспешной борьбы, ведомой концерном. Он с горечью вовремя оттешил не совсем сочувственное отношение к их борьбе некоторых великих сил. Отношение к нему становилось теплее и искреннее. Почувствовав это, на специальной конференции он во всех подробностях осведомил их об адской кре-

пости-обсерватории, созданной в Гималаях, вероятно лишь, как одно из звеньев цепи, которой хотят задушить Азию. Этот доклад ударил, как гром, на присутствующих. Инициатива перешла к Джонсону. Вечером к нему в гостиницу пришел офицер генерального штаба, держа в руках папку. В папке были некоторые документы осведомительного отделения. Джонсон, взяв ее в руки, напряг всю свою волю, чтобы не выдать овладевшего им волнения.

В ней был один документ из Англии, в котором говорилось, что на крупнейшей шотландской верфи спущен сделанный по частному заказу ледокол «Церон». Оборудование ледокола было произведено на основании собранного по целому миру опыта плавания в полярных океанах, даже при максимальной возможной толщине льда. Механизация управления и содержания ледокола максимальна. Сделана она по специальным патентам инженеров той группы, которою был заказан ледокол. Пробное плавание прошло блестяще. Происхождение и состав частной группы, построившей ледокол, пока не удалось выяснить.

Другой документ был из русского отдела. Ледокол «Церон» погрузил огромное количество съестных припасов и несколько голов рогатого скота. Количество команды выяснить не удалось. Судну с нормальным количеством людей таких припасов достаточно было бы на десять лет. В другом порту погружены главным образом машины для производства горных работ.

Документ с почти тождественной информацией был и от американского отдела, так как «Церон» подходил за грузом машин также и к берегам Аляски.

В дальнейшие годы против имени «Церона» лаконически стояло: сведений не имеется.

Под предлогом съезда христианских миссионеров севера Джонсон вызвал главу алеутской миссии в Токио. Народу на докладе алеута было много, но из христиан по паспорту только Джонсон. Алеут во всех подробностях передал все то, что рассказали ему туземцы, вернувшиеся с промыслов. «Церон» видели неоднократно несколько человек. Двух очевидцев алеут привез с собой. Конференция закончи-

лась в атмосфере, полной электричества. Джонсон потирал от удовлетворения руки. По словам туземцев, гнездо «Церона» лежало восточнее полюса между русскими и американскими территориальными водами. Это была та область, куда изредка, раз в несколько лет, отправлялся жаждущий славы исследователь, который по традиции оставлял на льду флаг своей нации. Таких флажков должно было быть там около двенадцати, лишь флажок с японскими цветами никогда никто там не оставил. Через несколько дней после этой конференции Джонсона вызвали. Его привели к министру, который ему открыто сказал:

— Если вы беретесь подготовить Старый и Новый свет к моральному уничтожению «Церона», физически его уничтожить беремся мы.

После нескольких разговоров по радио с Леви Джонсон уведомил министра, что через несколько дней они поставят весь мир на ноги. Министр в ответ дружески пожал ему руку.

Печатные станки загудели на всем земном шаре и перед миром снова всплыл странный образ кровожадного вампира.

ХІІІ

В окрестностях Эдинбурга перед калиткой старого уютного дома остановился кэб, из которого вышли Билль и Элен. Войдя в открытую калитку палисадника, они, на пороге дома, увидели Стеверса, спешившего к ним навстречу. Приветствовав их, он через большой пространственный холл провел гостей в гостиную, где ожидала их радостная неожиданность. В ней сидели Курт Шимер и Лиза. После первого обмена впечатлениями о пережитом за то время, когда они не виделись, разговор сам собой перешел на травлю, поднятую против «Церона». Прочтя первое же воззвание концерна, Элен сейчас же направилась туда и предложила им свои услуги. Ее красота, интеллигентность и умение работать бы-

стро продвинули ее по иерархической лестнице вверх. Считалось, что Билль был занят специализацией в области аэродинамики. Коллеги Элен были уведомлены, что когда Билль сдаст докторскую диссертацию, произойдет их свадьба.

У маленьких служащих, а в особенности у тех, которые иногда по служебным делам могли приблизиться к главам треста, всякий разговор невольно сводился на их хозяев. Много говорилось между ними о бесчеловечном отношении к семье Малера и о глухонемом шофере Леви, приво- зившем и отвозившем его неизвестно куда.

Понадобились месяцы, пока Билль смог с помощью маленького трюка выяснить адрес Леви. Случайно он увидел на одном из бульваров, как мальчишки, начинавшие лишь отбывать свой уличный стаж, чтоб сделаться впоследствии апашами, сводили свои счета с заснувшим в такси шофером. Пока тот спал, один из них насвистывал «Маделон», в то время как другой, забравшись под автомобиль, просверливал в дне резервуара дырку. Билль ангажировал этих двух мальчишек, которые, пока глухонемой ждал Леви, проделали то же с ним. Автомобиль Леви поехал, но вскоре остановился. Не понимая, что случилось, Леви ждал, сидя, как древний жрец. Рядом с ним остановился такси и, видя, как, растерявшись, суется около мотора глухонемой, предложил Леви свои услуги, объяснив ему, что он стал жертвой мести уличных мальчишек. Леви расположило к себе отсутствие навязчивости в этом шофере и, чтобы вознагра- дить его за проявленную им заботливость, он на нем продолжил свой путь. Шофер своими бесхитростными мнениями и словами расположил его настолько к себе, что он сказал ждать его, пока он зайдет к внучке, и на нем же вернулся домой.

Через неделю в квартиру, бывшую как раз против дома Леви, вселилась Элен, а Билль снял комнаты против дома, где жила внучка.

Когда они кончили свой рассказ, то Курт и Лиза показали карточку Джонсона и все пятеро начали следить по карте, пока читался Куртом маленький доклад, составлен-

ный на основании рассказа Паоло о его совместном путешествии по миссиям и кастам Африки и Востока.

Элен подтвердила, что роль Джонсона так же важна, как и роль Леви. Кроме того, она указала, что сношения их отдела с Японией стали очень оживленными, но главного она не знала, так как хозяева концерна сами решали главные вопросы. Она предупредила, что, судя по всему, приближаются очень важные события, так как такой оживленности и такого напряжения никогда не царило у них. Газеты были полны резолюций, выносимых самыми разнообразными обществами, требующими раз навсегда покончить с «Цероном» — этим призраком, поставившим под угрозу все культурные достижения двадцатого века.

Стеверс открыл радио; вместо обычного танго или фокстрота, оттуда раздавался убедительный голос оратора, призывавший с помощью хлестких аргументов народы все сделать, чтобы скорее уничтожить угрозу для мира и страшилище всего человечества. Те же слова неслись, только в разных вариантах, и с папертей церковей, и с партийных кафедр.

Печатные станки, методично стуча, наводняли мир сенсационным материалом.

Было четыре часа утра, когда переговорили обо всем и решили поговорить с доктором. Стеверс нажимом кнопки поставил вертикально верхнюю крышку своего массивного письменного стола. Внутри его была изумительная по своей отделке радиостанция.

— Это патент доктора, — сказал Стеверс, — который он подарил мне на Лаго Маджиоре. Вы узнаете ее, Билль?

Билль, не отвечая, подошел к станции и начал приводить аппарат в действие.

Стрелка часов показывала уже пять, когда они вступили в связь с доктором. Это был первый разговор с ним после ряда долгих месяцев, в течение которых у каждого из присутствующих здесь на дне души была боязнь за судьбу близких людей.

Разговор кончился к семи. Два раза две какие-то станции пытались перебить их разговор, но оба раза это им не удалось.

Диспозиция была дана доктором, на них лежало ее выполнить.

XIV

Лиза по приезде в Париж остановилась у Элен и, когда та уходила на службу, она целыми днями, сидя в удобном кресле, наблюдала за домом напротив, в котором жил Леви. Курт же поселился у Билля и приготавливал к полету купленный им аэроплан, на котором он с Биллем должен был в воздухе встретиться с «Цероном» и получить от него точные инструкции о нападении на Леви. Билль, как и Лиза, проводили свои дни, наблюдая за домом внучки. Получив от Стеверса телеграмму с указанием дня и часа, они оба в назначенное время поднялись с аэродрома и, забирая высоту, полетели к Испании. Вдоль ее границы они свернули в направлении океана, подымаясь все выше. Вдруг их мотор перестал работать, но когда они инстинктивно приготовились к худшему, Курт увидел, что по барографу высота увеличивается. Вскоре их аэроплан висел в пространстве уже над «Цероном». Они спустились на его палубу точно так же, как спускались с аэроплана на землю. Мехмед и Андрей, вышедшие из люка, помогли им в том. В каюте их ждали доктор и Мирано. После обмена приветствий и сердечного поздравления для Лизы и Элен (они только сейчас узнали, что Лиза и Курт повенчались), доктор заговорил о деле, т. е. о том, что сделать с Леви. Все согласились с тем, что его нужно уничтожить и по возможности скорее. После короткого обмена мнений было решено это сделать сегодня же в полночь. Доктор, поставив на стол небольшой ящичек, объяснил им, как нужно будет осуществить этот план. Им нужно, уверившись, что Леви дома, без нескольких минут двенадцать остановить перед домом автомобиль

и снять с него колесо под предлогом, что неисправна шина. Затем положить ящик под сиденье, повернув в нем только включатель и передвинув в сторону маленький рычажок на столько делений влево или вправо, насколько от стены дома будет отстоять автомобиль. — Я же, — сказал доктор, — буду с помощью моих приборов точно ориентирован этим маленьким маяком.

Закончив давать указания, доктор попросил передать приветы. Остающиеся обнялись с Куртом и Биллем, стиснули им руки и помогли им сесть в аэроплан.

После ухода Элен на службу Лиза, как всегда, начала наблюдать за домом напротив. Из дома, кроме Леви, выходила только очень редко старая его прислуга. Создавалось впечатление, что в этом мрачном доме, с всегда закрытыми железными ставнями, кроме них никто не жил. Сегодня время проходило особенно медленно. Лиза несколько раз звонила на квартиру Билля, никто не отвечал. Как всегда, подъехавший к пяти часам автомобиль увез Леви. Элен уже вернулась со службы, а ни от Курта, ни от Билля не было никаких вестей. Они, по очереди успокаивая друг друга, перестали наблюдать за домом, не сводя взгляда с телефона, который продолжал зловеще молчать. С Элен начала делаться истерика, ее нервы первые не выдержали. Часы пробили девять. У входной двери послышался звонок. Лиза, подойдя к двери, начала ее нехотя медленно раскрывать. Перед ней был Курт. Вдвоем они быстро привели в себя Элен. Тогда Курт рассказал им про все пережитое за сегодняшний день. Он рассказал также про то, что предстоит ночью. Билль у себя и будет ждать до половины двенадцатого, не заедет ли случайно к внучке Леви. Если нет, он без пяти двенадцать подъедет к дому Леви и начнет выполнять то, что приказал доктор. Мы же, — сказал Курт, — как только он подъедет, выйдем и в кафе следующего квартала пообедаем его.

Не успел он закончить, как прозвучал гудок сирены, и автомобиль остановился у подъезда Леви. Медленно, волоча ноги, Леви вошел в подъезд и, лишь когда входная дверь захлопнулась за ним, глухонемой поехал в гараж. Было

одиннадцать. Разговор как-то сам собой оборвался. Все невольно глазами следили за часами. Казалось, что минутная стрелка перестала двигаться. На улице послышался легкий шум. Это автомобиль Билля остановился около дома Леви. Курт, Элен и Лиза, уже давно ждавшие этого момента, поспешили из квартиры. Выйдя из подъезда, они быстро пошли по улице, только мельком взглянув на автомобиль. Они увидели, что Билль снимает его заднее колесо. Один неряшливый субъект вдруг появился около Билля и стал наблюдать за тем, что он делает; у Билля выступил холодный пот. Будучи уверен, что дом Леви хорошо охраняется, он не послушался доктора, а повернул выключатель аппарата сейчас же, как только Элен и Лиза прошли мимо него. Катастрофа могла разразиться каждое мгновение. Бросив колесо на землю, он выпрямился и пошел прочь от автомобиля в другом направлении, чем то, куда ушли Элен и Лиза. Не дав ему сделать и десяти шагов, обтрепанная фигура преградила ему путь.

— Кто вы такой? — спросила она резким голосом.

Билль, собрав все свои силы, ударил его и прыжками начал бежать. Он услышал за собой резкий свисток и выстрелы. Падая, ему показалось, что вблизи все рушится с страшным грохотом. Он потерял сознание. Курт, подходя с дамами к кафе, вздрогнул, услышав пронзительный свист и, как ему почудилось, звук выстрела, слившийся с страшным грохотом рушащейся постройки. Он инстинктивно поднял голову кверху и на одно мгновение увидел на фоне луны исчезающий в небе черный силуэт. Усадив дам в такси и приказав им ждать их, никуда не выходя, на квартире Билля, Курт побежал к месту катастрофы, обгоняя бежавших туда прохожих и уже слыша вдалеке пожарные sireны. Дома Леви не было, он весь провалился вниз. Оказывается, что под домом был двухэтажный подвал, приспособленный и для жилья и для складов. От причины, которая не смогла быть установлена позже, нижние своды подвала, не выдержав давления, подались и все здание рухнуло в образовавшуюся яму. Улица была загромождена пылающими обломками. Подъехали пожарные. Курт, видя, что с

этой стороны Билля нет, сломя голову бросился обегать квартал. Когда он обежал его с другой стороны, то впереди его уже была карета скорой помощи, в нее вносили Билля. Так как у Билля в больнице не нашли ран, а только сильные ушибы без видимого повреждения костей, то Курт смог добиться его переноса на носилках домой. Билль стонал; смотря на него, рыдала Элен. Лиза, Курт и вызванный ими доктор накладывали компрессы. Стеверс, проведя бессонную ночь, волновался, не получая известий из Парижа. Утренние газеты, которые он раскрыл, объяснили ему происшедшее, но его тревога не улеглась. — «Глава концерна Леви погиб и унес с собою в могилу тайну своего дома». — Так начиналась корреспонденция из Парижа.

На его телеграфный запрос он немедленно получил ответ от Курта: «Опасности для жизни Билля нет, но все мы очень устали. Будем очень рады Вашему приезду». Под телеграммой стояли три подписи: Елены, Лизы и Курта.

Стеверс нажимом кнопки превратил снова свой письменный стол в радиостанцию. Он сделал это не раздумывая, хотя и знал от приятелей, что полиция энергично ищет по всей Шотландии таинственную эмиссионную станцию. Он без особых затруднений связался с доктором и информировал его вкратце о происшедшем. Вечером экспресс его нес по направлению Парижа.

XV

Недалеко от террасы отеля, на которой сидел Джонсон, начиналась бухта, а за ней виднелась бесконечная гладь океана. С ним за столиком сидели несколько человек, не спускавших с него подобострастных взглядов. Это были агенты концерна, которым он раздавал свои последние инструкции. Старшему из них он передал две телеграммы: первую из них тот должен был послать в момент его отъезда, второй же текст — через 14 часов. Деловая часть разговора была кончена; пригубивая вермут, агенты поздравляли Джон-

сона. В этот день акции концерна достигли головокружительной высоты. Их разговор был прерван молодым офицером, подошедшим к столу. Представившись Джонсону, он доложил ему, что адмирал его ждет и что он прислан проводить его к нему. Общий кивок головы в ответ на подобострастные пожелания и Джонсон с почтительно следовавшим за ним офицером направился к выходу. Там их ждал маленький автомобиль, которым управлял солдат. Автомобиль их быстро вынес из города и через холмистую красивую местность помчал вглубь острова. Пока офицер объяснялся с остановившимися машину часовыми, Джонсон с гребня холма смотрел на лежавшую внизу долину. В ней он увидел два распластанных на земле дирижабля и большую кучку людей, толпившуюся около них. В тот момент, когда автомобиль, перевалив через гребень, понес их вниз, он заметил, как постепенно из земли на поверхности начал появляться третий, бывший по своей величине значительно больше первых двух. Они уже подъезжали к дирижаблям, как один из них, отделившись от земли, начал плавно подниматься в воздух. Невольно взглядом Джонсон стал следить за его полетом. Чем больше он смотрел на дирижабль снизу, тем назойливее сверлила в голове мысль: — где же я видел такую гондолу? — Наконец, он вспомнил — эта гондола, как две капли воды, походила на нижнюю часть «Церона». Те же многочисленные щупальца, присоски, напоминающие собой ножки гусеницы. Теперь их назначение становилось для него понятным. При взлете с помощью их дирижабль отталкивался; при спуске они заменяли людей, автоматически присасываясь к льдине, земле или скале и тем притягивая к ним дирижабль.

Адмирал, к которому подвез его автомобиль, повел его к гондоле самого большого дирижабля. По высокой лестнице они влезли в нее, а оттуда через коридор, сделанный в корпусе дирижабля, на опоясывавший его балкон. Адмирал махнул рукой и оба дирижабля один за другим начали вздыматься вверх. Машины загудели и они устремились за третьим, уже казавшимся лишь точкой на горизонте. Адмирал показал рукой вправо: оттуда, догоняя их, летело мно-

го аэропланов.

— Это аэропланы-амфибии, — сказал адмирал, — которые проводят нас до Берингова моря. — А знаете, что сейчас происходит в Токио? военные агенты всех государств нервничают и засыпают свои государства телеграммами о том, что армада вылетела неизвестно куда.

Джонсону стало весело: он это учел и концерн зарабатывает на спекуляции акциями столько, что концерн сам сможет, если захочет, построить армаду не менее загадочную и страшную.

Если бы он смог смотреть через пространство, то на том гребне холма, откуда он любовался аэродромом, перед штыком часового, не пускавшего его дальше, он увидел бы агента концерна, бледного, растерянного, держащего в руках телеграмму из Парижа. В ней говорилось про смерть Леви. Он с отчаянием смотрел на небо, но дирижаблей уже не было видно. Солнце жгло. Автоматически он вернулся в автомобиль и бесцельно, не разбирая, в какую сторону он едет, поехал.

Гиганты уже плыли над Беринговым проливом, демонстративно пролетая совсем низко над побережьем Аляски. Здесь амфибии, облетев несколько раз вокруг них, полетели обратно.

Армада изменила курс и полетела прямо на север вдоль воображаемой линии, теоретически представлявшей русскую границу Северного моря. Несколько чукчей и алеутов, летевших с ними, были в диком восторге от растилавшегося под ними родного ландшафта.

Адмирал перестал походить на таинственного азиата; перед Джонсоном он сейчас предстал в совершенно другом виде. Каждая его фраза, сказанная им теперь, дышала жестокостью и цинизмом.

Невдалеке от полюса дирижабли резко свернули на восток. Их снизили и они летели близко от поверхности моря.

Вскоре после перемены направления полета, к адмиралу подошел радиотелеграфист и что-то ему доложил. Адмирал сразу повеселел и, обратившись к Джонсону, сказал:

— Скоро начнется.

Над окруженным ледяными горами ледоколом повисли три гиганта. На него с них посыпался дождь бомб. Почти каждая попадала в цель, вырывая полосы металла с палубы и из обшивки ледокола. Огромные льдины, давившие его, были изрешечены минами, а местами разбиты на куски. По очереди гиганты повисали над ледоколом и изрыгали из своих гондол ад на него. Ледокол же не тонул. Злорадная улыбка, игравшая у всех на лице, давно исчезла. Вместо нее появилось на лицах недоумение. Вдруг корма ледокола начала оседать, а нос несколько задираться кверху, но это продолжалось недолго; своего положения ледокол больше не изменил. Всем, даже Джонсону, стало ясно, что ледокол прочно сидел на подводных камнях.

XVI

Доктор, помимо телеграммы Стеверса, имел по радио всю информацию о гибели Леви. Передав ленты радио-фонографа, на которых они были напечатаны, Андрею и Мирано, он произнес:

— Получилось очень удачно! Остался еще Джонсон, — продолжал доктор. — Знаем мы о нем немного, но и из этого малого количества информации можно заключить, что он нам готовит какую то большую пакость. Мы не сможем приступить к нашей настоящей деятельности, пока он не будет обезврежен. В два года мы осилили неприступности севера, два года нам нужно было, чтобы овладеть элементами материи и стихии. Освоив их, мы создали «Церон». Но на выметание паутины, созданной в мире разнообразными концернами, мы потратили больше всего здоровья, сил и бьемся над этим почти год. Уже целый год, благодаря им, мы не в состоянии приступить к нашей настоящей работе, а вынуждены защищаться. Для нас, отдавших все на это великое дело, это — большой срок. Тем более, что эти дельцы своим крестовым походом настолько взбудоражи-

ли весь мир, что пройдет много времени, прежде чем мы сможем приступить к нашей конструктивной работе. Сегодня же мы в представлении мира вампир, дикий слон, отбившийся от стада, — опасный для всех.

Голос радио-спикера перебил доктора. Говорила Москва. Она сообщала, что над островом Сахалином в направлении на север пролетела армада японских дирижаблей и аэропланов-амфибий. Радио добавило, что по всему побережью Сибири и Аляски приняты все меры предосторожности. В каюту вошел Мехмед. Увидя доктора, бледного, как смерть, и растерянные лица Андрея и Мирано, у него в горле застряли слова извинения за то, что он включил радио. Он понял, что произошло что-то ужасное. От зловещей догадки, одновременно появившейся у них, леденела кровь в жилах.

Через несколько минут, не скрываясь больше, на сравнительно небольшой высоте, как ураган, понесся «Церон» в направлении севера. Сейчас он действительно напоминал собой бешеного дикого слона-самца, ломающего в щепки лес и заросли, попадающиеся ему на пути.

Когда за Уралом началась тайга, всем как-то стало немного легче, но вскоре ими снова завладело беспокойство. Доктор, чтобы хоть сколько-нибудь увеличить скорость, включил машину, поглощающую шум. Корпус «Церона» гудел и дрожал. Всем тем, кто случайно видел его в этих пустынных краях, он казался каким-то взбешенным, мстительным духом. Наконец, тайга кончилась, упершись в Полярное море. Цель близилась, все молчали, смотря застекленевшим взором вдаль. Показалась вдали черная точка, быстро превращавшаяся в контуры ледокола. Одного взгляда, брошенного на него, было достаточно, чтобы увидеть, во что его превратила армада. В пробоины, сделанные бомбами, хлынула вода, которая, смерзнув, в свою очередь превратилась в льдину, разорвав при этом ледокол на две части. Он походил на труп, которому придали позу живого человека.

Ледокола, четыре года противостоявшего дикому налету льдов и бурь Полярного моря, больше не существовало.

Не задерживаясь ни на мгновение, доктор немилосердно гнал «Церон» дальше. Прошло несколько минут; адский шум, производимый машинами, смолк. «Церон» повис в воздухе. Под ним находилась огромная неправильной формы воронка, окаймленная скалами; в ней плавали льдины. Это было все, что осталось от полярного оазиса, в котором был создан «Церон» и где выработан был грандиозный конструктивный план. В этом оазисе после нечеловеческих трудов и лишений создавшие его сумели извлечь: теплоту из леденеющих лучей полярного солнца, энергию из вечного льда и «Церон» из недр скалистого острова. Кипящего жизнью уголка в полярной пустыне не было. Но даже, умерев, он не позволял полярному льду сомкнуться над его могилой. Большие льдины, попавшие в воронку, на поверхности которой еще была бурая жидкость, таяли в ней.

Все стояли, объятые немым ужасом. Команда пришла в себя лишь после окрика доктора. «Церон» плыл в высоте по направлению к Японии. Он не походил больше на взбешенного дикого зверя, а скорее напоминал холодного расчетливого мстителя.

XVII

В ожидании победоносного возвращения армады миллионы людей наводнили долину. Тысячи громкоговорителей объявляли собравшимся о ее местонахождении. Наконец, на горизонте показались три дирижабля, а над ними ряд мелких точек; толпа узнала в них легко амфибий. Армада, сделав три круга над долиной, начала постепенно снижаться. С начала амфибии, а за ними гиганты-дирижабля.

Из громкоговорителей раздались звуки гимна. Миллионную массу захватил его ритм и они его запели, приходя от этого в экстаз. Головная амфибия, чьи колеса почти уже коснулись земли, как бы захваченная вихрем, понеслась ввысь, за нею вторая, третья... На высоте в 1500-2000 метров они загорались и огненными кометами пада-

ли на дно долины и гребни, сея ужас и смерть. Дирижабли, не замечая происходящего, снижались, но когда, казалось, что щупальца адмиральского гиганта впились в землю, в странном смертельном танце они начали вздыматься ввысь, походя на пушинку, гонимую ветром. Было видно простым глазом, как накалилась их металлическая оболочка, а из гондол струились клубы дыма. Спрут или коршун, державший свои жертвы невидимыми лапами, тоже был у всех на глазах. Поиграв так со своими жертвами некоторое время, «Церон» разжал свои лапы и дымящиеся остатки армады полетели на землю. Как бы в насмешку они упали около своих ангаров. Когда прошло оцепенение и загремели зенитные орудия, было уже поздно, «Церона» не было видно.

По всей цветущей долине валялись тысячи задавленных толпою трупов. В ней царила смерть.

XVIII

Доктор лежал без сознания, у него было воспаление мозга. Склонившись над ним, стояли трое. Это было все, что осталось от большой жизнерадостной группы людей, выехавших пять лет тому назад в Северное море на ледоколе «Церон». «Церон» в то время летел над Тихим океаном, а стрелка его барографа неуклонно отмечала уменьшение высоты. «Церон» падал.

II часть

КЛУБ МИРА

I

Бешено крутящиеся потоки мутно-желтой воды несли с собой: крыши домов, трупы и деревья. Несясь в диком танце, они разбивались о торчавший из воды гребень холма, летели дальше в далекое море, все уничтожая на своем пути. На гребне один возле другого стояли переносные деревянные бараки — это был лагерь строителей насыпи. Все, что можно было спасти от разбушевавшейся реки, было ими собрано здесь. Здесь же между бараками торчали различные землечерпалки и багера, казавшиеся на фоне нарождающегося дня гигантскими доисторическими животными, задравшими к небу свои длинные шеи. От них и от бараков ложились на воду причудливые тени. Бараки были набиты людьми. Казалось, что кто-то умышленно согнал людей вместе, чтобы дать возможность природе одним взмахом покончить с ее врагами, коварно стремившимися обуздать ее. Кульминация вод в реке еще не наступила. Вода медленнее, но все так же непрерывно прибывала. Ключок земли, на котором находился лагерь, сужался. На помощь не приходилось рассчитывать, а собственных средств для спасения не было. Было три лодки, могущих с трудом вместить всего лишь до десяти человек. Цепи этих лодок проходили через стену головного барака и замком были привязаны к ножке стоявшего в нем письменного стола. Завалившись на спинку плетеного кресла, перед столом сидел пожилой человек с энергичным лицом. Комната освещалась висевшей на стене керосиновой лампой. Под ней был циферблат прибора, показывавший уровень воды. Стрелка прибора очень медленно, но неуклонно, двигалась вправо в направлении красной черты, означавшей уровень воды, который будет в тот момент, когда воды Желтой реки сомкнутся над гребнем холма. В большинстве бараков тускло мерцал огонь. В них на полу или на нарах, сколоченных на скорую руку из досок, лежали люди. Первые дни они все были снаружи, на берегу, следя за мутными потоками и втыкая ветки, чтобы следить за поднятием уровня воды.

Протекали дни, петля затягивалась и ими овладевало тупое безразличие Востока. Умереть днем раньше, умереть днем позже, — все равно умрешь. Но не все кули так рассуждали. Некоторым из них мозолили глаза лодки. Для кого их сохраняет инженер? Для этих крикливых белых женщин и их щенят? Вряд ли! Наверное, для себя. Бывшие при машинах европейцы, наоборот, чем безысходнее было положение, тем становились активнее. Многим из них не давали покоя злосчастные три лодки, которые инженер Андреев никому не давал.

— Здесь не Европа, чтоб церемониться с женщиной, — часто говорили они друг другу, — сам хочет удрать, собака.

Несмотря на различие в цвете кожи и презрение друг к другу, пятнадцать завсегдатаев кантины договорились с полуслова. День и ночь, молча, аккуратно сменяя друг друга, они незаметно для всех сторожили лодки. Ждали подходящий момент, чтобы послать в лучший свет мешавшую им собаку. «Собака» — было прозвище, данное ими инженеру. Свет, горевший в кантине, был ярче, чем в бараках. Одни сидели в ней на скамейках за пропитанными едой и напитками столами и, наклонив голову на руки, спали или прихлебывали виски и рисовую водку. Другие ничком лежали на деревянном полу, покрытом слоем грязи, постоянно заносимой снаружи. Кантинер спал. Учет его добру вели сами же гости. Ему никогда в голову не могла бы прийти мысль, что в их запись могла вкрасться неточность. У этих подонков была своя этика, по которой своему кантинеру нельзя было нанести ущерб. Чужого же вряд ли бы кто из них удержался от соблазна зарезать, хотя бы из-за медной монеты или шнурка для ботинок. Воздух в кантине от испарений человеческих тел, табачного дыма и винных паров был совершенно испорчен. Но бывшие в ней мало обращали на это внимание. Тишина в кантине нарушалась только выходящим на смену дежурным и возвращающимся с поста.

Кроме находящихся в кантине, не смыкал глаз и инженер, помещавшийся в головном бараке.

Инженер был уверен, что каждый час река может перестать расти — все признаки указывали ему на это. Но в том, что выдержат ли испытание нервы разношерстной массы, он далеко не был уверен. Наоборот, он с минуты на минуту ждал реакцию с их стороны, так как чересчур покорно и тихо они себя вели в последние дни. Благодаря своему опыту и интуиции, ему удавалось до сих пор отстранять все поводы к мятежу. Даже с лодками они перестали приставать к нему. Но чем выше подымалась вода, тем больше он замечал жадных взглядов, бросаемых на них.

— Моя ошибка, что я не потопил лодки вначале. Сейчас уже поздно. Если что либо случится, то только из-за них.

Спать Андрееву не хотелось. Из ящика стола он вынул один за другим два револьвера. Поиграл с ними, прицеливаясь в окна, проверил, заряжены ли они, и положил их в карман. Затем, вытащив из стола запасные обоймы, в раздумьи долго их вертел в руках, а потом тоже сунул в карманы. Револьверы навели его на мысль о том, что может ли он рассчитывать выйти победителем в случае столкновения с рабочими. На куске бумаги он набросал все данные за и против. Сделав это, отложил карандаш в сторону и задумчиво произнес:

— Две обоймы, пожалуй, успею разрядить, но вложить новые не успею ни в коем случае. Помешает или нож этих прохвостов, всаженный ими мне в спину, или их пуля.

Последнюю фразу Андреев произнес громко. Услышав звуки собственного голоса, он смутился и, скомкав лист бумаги, на котором он учитывал свои шансы, бросил его на пол. Выйдя наружу, он никого не заметил. Небо было подернуто облаками, накрапывал дождь. Ветер, как всегда, затихал перед рассветом. Андреевым начало овладевать состояние полного безразличия ко всему. Он вернулся в барак и, сядя в кресло, заметил в незадвинутом ящике тетрадь. На ее обложке было написано: «Прочтено на шестом конгрессе “КМ”».

«Это меня рассеет», — подумал он и начал перелистывать тетрадку.

Ему начало казаться, что он впервые видит эти строчки — строчки его собственного доклада, который должен был прочесть на конгрессе вместо него его коллега Генрих Шульц.

«Странное совпадение», — мелькнула у него в голове мысль, — «где-то там, за тысячи километров, слушают мой доклад о том, как надо современными средствами обузды-вать и бороться со стихией, а здесь, как в насмешку, приро-да меня обуздывает и то не современными, а самыми прими-тивными средствами — топит».

От этого сравнения ему стало неудержимо весело и впер-вые за эти жуткие дни он звонко рассмеялся. Вместе с Шульцем, Орлицким, Стеверсом и рядом других, они, ви-дя, какой отклик встретило создание «клубов мира», соз-дали ряд «КМ» в различных местах обоих полушарий. Идея оказалась жизненной. У них был ряд своих лабораторий, создали даже свой банк. С их мнениями начинали считать-ся всюду. Пока их работа носила чисто академический ха-рактер. Но он был уверен, что если не на этом, то на сле-дующем конгрессе постановят начать практически осущест-влять свои задачи...

Мысли Андреева начали скакать с предмета на пред-мет. «Человеческие страсти, — думал он, — похожи в своих проявлениях и своей необузданностью на эту сумасшедшую реку. Их, как и ее, нужно подвергнуть регуляции. А совре-менное государство?» Он усмехнулся. «Оно так же опасно, как скорпион, и так же беспомощно, как скорпион. В своем неумении найти выход государства заключили себя в кру-ги и мечутся в них, подобно скорпиону, плененному ребен-ком помощью круга, начерченного вокруг него на песке».

Вдруг рядом с ним раздался пронзительный звон — это стрелка прибора налезла на красную черту. В лагере подня-лась тревога. Вода завладела холмом и тихо плескалась у порогов. Резкий голос Андреева властно прозвучал в пред-рассветном сумраке, покрывая собой отдельные выкрики и шум воды:

— Держитесь вместе! Скоро вода начнет убывать! Жен-щины и дети вперед! к лодкам! Остальным к лодкам не

подходить!

Плача и трясясь от страха, шлепая по воде, женщины, ведя за руку детей, набились в лодки. Когда посадка кончилась, он, видя, что никто не переходит указанную им черту, пошел в свой барак. Отвязав от ножки стола цепи лодок, он направился к выходу. Подходя к дверям, по привычке его взгляд остановился на приборе. Стрелка прибора застыла на красной черте. Не веря своим глазам, он подбежал к аппарату и потряс его — аппарат был исправен. Андреев не двигался, не спуская глаз со стрелки. Стрелка сначала поколебалась, а потом решительно поползла вниз. Снаружи раздался крик женщин и послышались всплески воды. Андреев, вынимая на ходу револьвер, одним прыжком очутился у порога и шагнул по направлению к лодкам. По воздуху из темноты пролетел нож и глубоко вонзился в спину Андреева — между лопаток. Андреев зашатался, но сумел удержаться на ногах. Собрав все свои силы, он крикнул:

— Вода убывает! Освободить лодки!

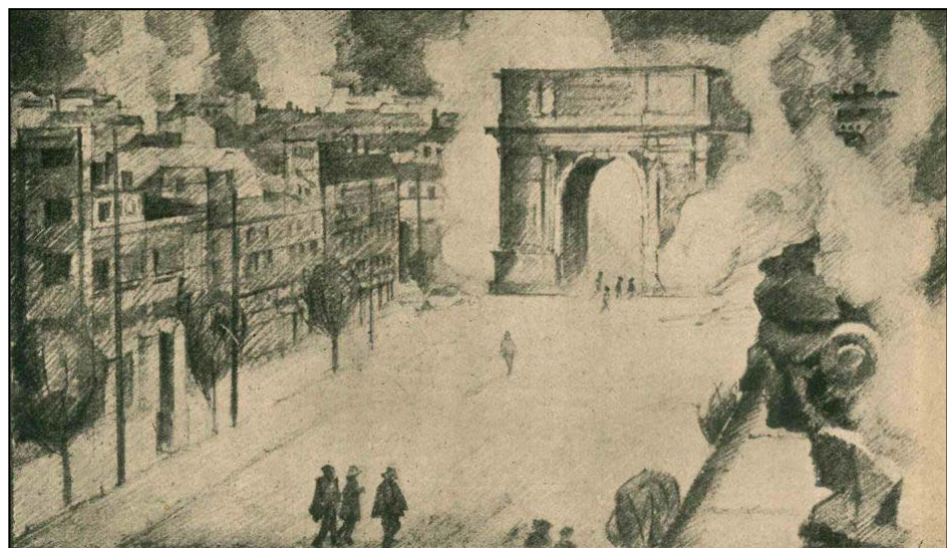
Звук его голоса прекратил свалку, начавшуюся около них. Андреев прислонился к стенке барака. Перед глазами у него начало все прыгать. Пошла кровь горлом. Силы его оставили, и он упал.

На востоке небо все ярче розовело — начинался рассвет. Желтая река быстро уходила в свое русло, оставляя за собой на гребнях холмов лишь пену.

II

Председатель конгресса «КМ» Феликс Марвен объявил перерыв заседания. Члены конгресса, оставив свои места, перешли к окнам и наполнили балкон. Марвен поспешил присоединиться к группе, занявшей балкон. Окна залы дворца, в котором заседал конгресс, были обращены к городу. В разных точках огромного пространства, занимаемого этой столицей, бушевал пожар. Пожар появился сра-

зу во многих местах. Что было самым странным, царствовала всюду сравнительная тишина. Ниоткуда до слуха конгрессистов не донесся тревожный звук фабричной сирены, ни один паровоз не загудел, призывая тушить пожар, даже не было слышно рева пожарных машин, спешащих на пожар. По улицам столицы в ряде облюбованных ими кварталов шныряли тени, одетые в широкие желтые плащи. Желтый плащ был форменной одеждой безработного в тех краях. Желтый плащ при желтом билете закрывал доступ в общество. Безработные стали кастой, которой не разрешали ни жить, ни умирать. Их положение можно было сравнить с рабами древних империй. Они тупо ждали своего Спартака и, не дождавшись, начали поливать фасады жидкостью и осыпать их облаками пыли, зажигавшей даже камень. Арка, которая была символ победы и состояла из колонн и орнаментов, вспыхнула. Городские машины — танки, употребляемые для поливания улиц, лили сегодня, вместо воды, на мостовые жидкость, воспламенявшую асфальт. Изредка пролетали улицами горящие автомобили, они разбивались с шумом о фасады домов или взрывались. На случайных прохожих, осыпанных порошком или обрызганных жидкостью, загоралась одежда. Многим обитателям домов некуда было бежать, всюду пылал огонь. Нередко из таких домов слышался веселый надорванный смех — пели только что сошедшие с ума. Желтые работали по хорошо разработанному плану, понимая друг друга без слов. Желтым терять было нечего, они хотели своим поступком только доказать, что могут в случае необходимости и сами найти себе работу. Работали они в эту ночь добросовестно. Когда прошли первые минуты растерянности, правительство повело контратаку, напав в первую очередь на жилища желтых. Оно их заняло без сопротивления, истребив многочисленных сторожей и больных, которых застало там. Сделав их квартал своим опорным пунктом, правительство начало локализовать пожар: на его языке это значило — начало пристреливать каждого желтого, захваченного в оцепленном районе. В районы, где уже бушевал пожар, были устремлены немногочисленные части, одетые в огне-

упорную одежду. Эти войска убивали желтых пожарными топориками. Желтые же распарывали им одежду ножами, насыпая в прорехи бесцветную и на вид безобидную пыль. К рассвету во многих местах пылали пирамиды тел, и серых, и желтых, вопия огненным языком к небу о совершающемся здесь.

Соппротивление желтых, несмотря на все прибывающие подкрепление правительству, было и в полдень еще не сломлено. За огненными барьерами они во многих местах были вне досягаемости одетых в серое сторонников правительства. Пленных, по молчаливому соглашению обеих сторон, ни одна, ни другая сторона не брала. Тем более, что первые попытки ловить желтых живыми и потом казнить потерпели неудачу. Желтые, начав борьбу без огнестрельного оружия, метали в противника, вместо пуль и ручных гранат, бутылки, наполненные жидкостью или порошком. Порошок и жидкость зажигали в таких случаях за упокой души желтого огонек, тянувшийся своим языком к небу. А день выпал жаркий, безоблачный. К вечеру пожар начал ослабевать, вместе с ним начало ослабевать и сопротивление желтых. Людей в сером с каждым часом становилось больше. Они прибывали на аэропланах из провинции.

Как только запылали первые кварталы, по нетронутым пламенем улицам за город потянулись граждане столицы. Среди них лиц в форменных одеждах не было, но было немало одетых только в нижнее белье. Не договариваясь, они, в трогательном единодушии подставляя свои тела под пытавшиеся промчаться автомобили, не давали тем проехать. К идущим по главной улице из боковых ручейками присоединялись новые и новые толпы. Они шли молча без слов, лишь топотом ног нарушая тишину. Мимо дворца, в котором заседал конгресс, уже с полночи начал струиться людской поток на фоне горевшей столицы, казавшийся полчищем гуннов, меняющим свою стоянку. За дворцом людской поток частью рассасывался по начинавшимся за ним вилам и полям, частью продолжал струиться в неизвестность, исчезая во мраке. Настал рассвет, а людской поток не редел. Он стал говорливее, так как в него, чем позднее, тем

больше, вкрапливалось сумасшедших. О дальнейшей работе конгресса не могло быть и речи. Было решено, выполнив необходимые формальности, отложить решение всех вопросов до следующего года. Но за это время сделать все возможное, чтобы подготовить переход уже в следующем году к практическому применению принципов КМ в жизни. Марвен собрался объявить конгресс закрытым, как настойчиво попросил дать ему слово Генрих Шульц. Он обратился к мысленно начавшим его упрекать в нетактичности членам конгресса со словами:

— Если бы не эти толпы несчастных людей за этими стенами и виднеющееся из этих окон зарево над считавшейся очень культурной столицей, я бы отнял у вас несколько часов времени. Сейчас же я отниму только несколько минут. Я был горд, что на мою долю выпала честь в отсутствие нашего коллеги Андреева, члена Московского КМ, прочесть вам его изумительный доклад, но одновременно мне бы пришлось вас просить уделить время для его некролога.

Члены начали переглядываться между собой.

— Вот! — Шульц поднял над головой телеграмму. — Телеграмма от «КМ» из Шанхая. Сказано коротко и ясно. Спас несколько сотен людей своею распорядительностью и погиб в момент, когда река начала опадать.

Мне неприятно, что на мою долю к тем тяжелым впечатлениям, которые вы вынесли сегодня, довелось добавить новое, не менее тяжелое. Но своей смертью Андреев дал мне право закончить намеренно незаконченный им доклад. Я кончаю господа. Мне не менее, если не тяжелее еще, чем вам сегодня. Андреев сумел избежать смерти от разыгравшихся стихийных страстей, но от человеческих не смог. И я закончу его словами:

— Успех будет лишь при одновременном осваивании и стихии и человека.

Марвен объявил съезд конгресса закрытым. Но под влиянием слов Шульца, группы членов, обсуждая случившееся, долго не могли разойтись.

III

У яхты не только не было определенного, но вообще она не имела никакого маршрута. Она шла туда, где было в данный момент красиво и интересно. Переутомленные работой в лабораториях и мастерских, собрались вместе и решили провести два месяца вдаль от повседневной жизни, не желая знать даже, что произойдет за это время в мире. Проскользнув через Гибралтар, яхта сначала шла вдоль Алжира, затем, заглянув на Сицилию, снова пересекла море и несколько дней подымалась по Нилу. Теперь все это было позади; сейчас яхта качалась на волнах Босфора. Еще не было решено, посетить ли Крым или нет. Аттракциями на яхте заведовал не потерявший свою жизнерадостность Билль. Рядом с ним, не спуская с него восторженного взгляда, постоянно была его дочка — больше походившая на него, чем на свою уравновешенную мать. Капитаном яхты считался Стеверс. Фактически же ею управлял матрос Марсель. Остальными пассажирами яхты была молодежь во главе с хорошенькой Нелли. Марсель в обращении с ними старался вначале принимать вид старого морского волка, все пережившего, все видевшего. Своими рассказами о разных невероятных случаях, бывших с ним жизни, он часто по вечерам развлекал засидевшихся на палубе. С раннего утра, пока дежурные несли службы, остальные занимались спортом. Когда яхта бросала якорь, все барахтались в воде. Часто вдаль от пристаней и больших городов высаживались на берег, иногда даже производя экскурсии вглубь материка. Инициативу этим экскурсиям дал Билль и то довольно оригинальным способом. Билль незадолго до отъезда смастерил льва. Возился он с ним очень долго, пока не добился, что при слабом свете его имитация издали действительно напоминала льва. С помощью маленькой батарейки светились глаза льва зеленым, фосфорическим блеском. Из его живота доносилось настоящее рыкание. Этого добился Билль с помощью маленького «Клаксона». Когда однажды в полумрачной гостиной перед малень-

кой Ритой, женой и Нелли он продемонстрировал своего льва, Рита произнесла:

— Это Джимми.

Джимми был ее приятель, старый лев зоологического сада.

Видя любовь Марселя к преувеличениям, Билль, договорившись с Нелли, все время наводил Марселя на разговор про Африку. Марсель, не подозревая расставляемой ему ловушки, подробно описал, как ему однажды довелось лично убить львицу. По его словам, москиты не давали ему покоя и, чтобы отгонять их чем-нибудь от себя, он убил львицу и отсек у нее только хвост с кисточкой из волос. Результат получился замечательный, не нужно было ею даже взмахивать. Завидя кисточку, москиты улетали от нее стремглав.

— Наверно, думали, что вы лев? — наивно спросил кто-то из молодежи.

Скромно потупив глаза, Марсель ничего не ответил. Яхта бросила якорь в Абиссинском заливе. Экскурсия вглубь материка была организована в три счета. Те, на кого выпал жребий охранять яхту, с завистью смотрели вслед экспедиции, уже прошедшей прибрежный песок. Еще несколько раз мелькнули машущие им тропическими шлемами и фигуры исчезли между пальмами.

Молодежь смеялась и шутила. Новизна впечатлений, предвкушение ночевки под африканским небом, все это воодушевляло знавших природу лишь по окрестностям фабричных городов и создавало хорошее настроение. В противоположность остальным, Марсель был угрюм, ничего не рассказывал, шел молча. Свое поведение объяснил тем, что не так легкомыслен, как все остальные, видевшие, по его словам, Африку только в кинематографе. При этом он многозначительно подмигивал, говоря, что знает, что такое Африка и ударял по прикладу ружья, данного ему Биллем. Нелли закусывала губы, чтобы смехом не выдать себя, Билль вздыхал и, насвистывая, тащил дальше на своей спине большой сверток. Его же дочь вел за руку Марсель, уве-

рявший ее всю дорогу. что с ним ей не нужно ничего бояться.

Под группой пальм остановились на ночевку. Оживленными группами расположились около костров. По инициативе Нелли дежурство было поручено Марселю. Хотя все устали, но никто еще не собирался спать. Говорили главным образом о том, что будут рассказывать по возвращении своим приятелям.

— Хотя издали слышать львиный рев, вот было бы чудесно, — неожиданно произнесла брюнетка Мэри.

Она высказала общее желание.

Как только начали устраиваться на ночевку, Билль, подмигнув Нелли, исчез за кустами кактусов. Вдалеке где-то завывал шакал. На сидящих упала большая тень, это над ними неслышно пролетела большая ночная птица.

— Африка пробуждается! — патетически провозгласил Александр, брат Мэри.

Разговор понемногу затихал, было немножко жутко. Небо было усеяно миллионами звезд; блеснув где-то в зарослях кактусов, упал метеор.

— Тише... смотрите... — произнесла Нелли шипящим шепотом.

В нескольких сотнях шагов от них на небольшом песчаном бугорке, освещенный лунным светом, стоял царь пустыни. Все приподнялись, не спуская с него глаз. Лев медленно повернул к ним свою голову и они увидели, как хищным зеленым светом засветились его глаза.

— Он нас увидел! Молчите! — пронеслось шепотом по лагерю.

Лев поднял голову вверх и до них донесся его рев.

— Марсель! — закричала Нелли, — где же вы? Он идет сюда!

Лев действительно начал спускаться с бугра, двигаясь по направлению к ним. Молодежь начала, точно по фильму — «Борьба с львами в сердце Африки» — вытаскивать из костров горящие ветки и махать ими. Это не помогло — лев, не обращая на них ни малейшего внимания, шел к ним. Уже близко от них лев остановился.

— Марсель, Марсель, стреляйте же, — раздалось со всех сторон.

Бледный растерявшийся Марсель выстрелил из обоих стволов. В ответ лев заревел и медленно, с достоинством пошел прямо на костры. Бросив на землю ружье, Марсель кинулся к кактусам, раздирая до крови тело о их колючие листья. Звук выстрелов пробудил заснувшую Риту. Встав на ноги и увидя силуэт льва, она, закричав: «Джимми, мой Джимми», бросилась сломя голову к нему. Все онемели от ужаса. Несколько человек кинулось за ней, но их удержал насмешливый голос Нелли:

— Оставьте ее. Она лучше справится со львом, чем Марсель.

И действительно, добежав до льва, несмотря на его душевраздирающий рев, она влезла к нему на спину. Трудно было найти Марселя. Приведенный в лагерь Марсель не имел смущенного вида; он объяснил, что львы нападают сразу с двух сторон. И он, зная это, бросился с ножом — он показал всем свой складной перочинный ножик — на них.

— Они самые опасные, — закончил Марсель.

Утром вернулись на яхту. В море Рита преподнесла Марселю в память об этом происшествии кончик львиного хвоста. Беря его в руки, Марсель самодовольно улыбнулся.

После многих неудачных попыток бывшие на яхте научились закидывать сеть. Иногда даже им удавалось ею поймать рыбу. Босфор был конечной точкой их путешествия, так как через несколько дней им истекал отпуск. В Крым на яхте могла поэтому ехать только часть из них. Огромный угольщик, пришедший из Порт-Саида, поравнялся с ними. Все были недовольны, так как этим он лишал их возможности любоваться видом Константинополя, освещенного лучами заходящего солнца. Все с нетерпением ждали, когда наконец угольщик минует их. Невольно внимание находящихся на яхте было привлечено странной сценой, начавшейся разыгрываться на их глазах на палубе угольщика.

Матрос тащил по палубе к разгуливавшему по ней капитану черного от угольной пыли человека, одетого в

изорванную одежду. Вид капитана не предвещал ничего хорошего для попытавшегося бесплатно добраться до Константинополя. Не доходя нескольких шагов до капитана, он резким движением вырвался из рук державшего его матроса и заметался по палубе. В тот момент, когда он обернулся лицом к яхте — с яхты раздался крик:

— Мехмед! — Этот дикий крик выпустил Билль, бросившись к борту яхты.

Человек остановился в недоумении, но, видя, что преследователи уже протягивают руки, чтобы его схватить, одним прыжком вскочив на борт угольщика, вниз головой бросился в Босфор. Через несколько минут его без сознания втащили на яхту и отнесли в каюту. Когда он пришел в себя, его губы прошептали:

— Стеверс. — Тот склонился над ним. — В вашей библиотеке, на средней полке, в черном переплете формулы, — еле слышно прошептал он к приникшему к нему Стеверсу.

Затем снова впал в забытие, оно тянулось до вечера. Склонившись над ним, стояли несколько докторов, призванных Стеверсом. Их диагноз был одинаков. Не умереть Мехмед не мог. Мертвенная бледность начала покрывать его лицо, когда он снова очнулся. Видя склоненных над собой друзей, его губы снова зашевелились. «Доктор, Андрей умерли... вам успеха...» Его веки закрылись. Рука безжизненно повисла вниз. Он начал коченеть.

IV

Кают-компания флагманского корабля была полна офицерами со всех судов эскадры. Неожиданный вызов на флагманское судно многим из них испортил установившееся с начала маневров хорошее настроение. На границе Индийского и Тихого океанов среди бесчисленных островов им было хорошо. Те из них, кто не мог сойти на берег, обычно принимали на себя обязанность прослушать как можно

больше радиостанций и собрать все новости. По утрам делились своими впечатлениями. Маленький аккуратный лейтенант вчера должен был слушать радио. Его товарищи, вернувшись на корабль лишь рано утром и узнав про то, что у адмирала гостит министр Штерн, безжалостно лейтенанта разбудили. Он начал, сидя на койке, свой доклад:

— Спикер республики Ниберии утверждал от 19 ч. 18' до 23 ч. 15', что население этой республики самое доблестное, что на нем лежит историческая миссия одряхлевшим нациям Европы, состарившимся народам Азии и недоразвившимся народам Африки указать их настоящее место.

— Приводил исторические справки?

— Приводил! — уже окончательно проснувшись, невозмутимо заявил лейтенант. — Спикер заявил, что в его руках неопровержимое доказательство того, что ужин на Галилейском озере приготовлен был негром из Ниберии. А не поужинав хорошо, никто бы не увидел никаких чудес.

— Довольно Ниберии! Что делается в федерации? За чем принесло сюда Штерна?

Чтоб сделать лейтенанта сговорчивее, с него стащили одеяло и брызнули на него водой.

Видя, что единственный способ избавиться от своих мучителей, это удовлетворить их не совсем трезвое любопытство, он скороговоркой сказал:

— Радио федерации сообщило в 21 ч. 14', что министр особого назначения Штерн выехал произвести инспекцию всех вооруженных сил страны, предварительно приняв на себя и ведение министерства финансов. Штерну поручено привести финансы в порядок всеми мерами, вплоть до сокращения наполовину жалования всем государственным служащим.

Лейтенант перевел дыхание. Он был уже один, все исчезли. Погладив себя по голове за свою изобретательность, он лег и сейчас же заснул. Другим же было не до сна. Вскоре вся эскадра была информирована о предстоящем сокращении жалования. Приказание немедленно собраться, чтобы выслушать вице-адмирала, уверило всех в правильности этих слухов. Их автор, проснувшись к обеду и узнав про

них от своего вестового, не колеблясь ни минуты, поверил им.

День склонялся к вечеру, а вице-адмирал еще не удосужился прийти к ожидавшим его офицерам. Сначала из разных углов залы офицеры обменивались мнениями. Понемногу этот обмен мнений превратился в митинг. Было решено бастовать. Носить серый мундир не имело для них при уменьшенном жаловании никакого смысла. Вошедшего вице-адмирала сначала не заметили. Видя это, в его глазах мелькнул лукавый огонек, и он громко хлопнул дверью. Все головы повернулись к нему. Сделав полупоклон, он прошел на середину.

— Господа, — начал он, — помимо тех многочисленных, густонаселенных островов архипелага, которые вы посещаете в ваше свободное время, здесь есть много маленьких малопрístupных островов с убийственным климатом, — на них никто не живет. Нам дано распоряжение расставить на этих островах автоматические разведчики. Благодаря им мы будем осведомлены день и ночь о всем происходящем на огромном протяжении. Правительство хочет иметь о всякой группировке сил соседних нам государств точную информации от первоисточника. Первоисточником приказано быть нам, и поэтому мы проведем здесь всю зиму. В моей канцелярии каждый начальник отделения амфибий для себя и подчиненных получит письменные инструкции. На берег запрещено сходить. Начало операции назначено на завтра.

Мартини поклонился и направился к выходу.

— При уменьшенном жаловании мы работать не будем, господин вице-адмирал.

— Об этом вы поговорите, господа, с самим адмиралом. Посредник, вроде меня, вам только помешает. Итак, до свидания у меня в канцелярии.

Пока часть офицеров во главе с капитаном О'Генри направились за инструкциями к Мартини, остальные выбрали делегацию, которая должна была передать их требования адмиралу Флиту. В адмиральском салоне, пока разыгрывались события в кают-компаний, велся оживленный

разговор между министром Штерном и адмиралом Флитом. Рядом с ними стоял столик с бутылками вина. Флит, поддакивая своему высокому гостю, чокаясь с ним, уже в сотый раз пил за его здоровье. От алкоголя Штерн был возбужден и несдержан.

— Управлять народом, милый адмирал, совершенно не то, что командовать эскадрой.

Флит утвердительно кивал головой, подливая себе вина.

— Чтоб управлять народом, нужно иметь для этого врожденные способности — если хотите — даже талант!

Штерн остановился, придав своему лицу задумчивое выражение.

— Национальность личности и ее удельный вес, — продолжал Штерн — для такого человека не важны. Он их приобретет в тот момент, когда сможет выявить себя. Не сможет себя выявить, пройдет незамеченным в жизни. — Он отхлебнул из стакана вина и сказал:

— Я часто сам себе кажусь скульптором! Для скульптора не играет роль цвет глины, из которой он лепит! Часто не играет роли и сам материал! Если есть глина, будет лепить, если будет камень, высечет в нем. И для меня не важны ни цвет материала, ни его сорт. Если я хочу сделать государство великим, я его сделаю вне зависимости от того, умен или глуп, подл или храбр тот народ, которым я буду строить государство. Но для этого, милый Флит, нужно быть мастером!

— За здоровье вашей экселенции, — потянулся к нему Флит. — Зажмите вы, экселенция, в ваши ручки нашу федерацию, чтоб не пикнули, — потряс в воздухе сжатой в кулак рукой — меня, старика, не забудьте. Я же вам в два счета в подарок этот архипелаг захвачу. Вот вам и новый рыночек — как-никак, около 60.000.000 хоть и коричневых, но потребителей. А там еще что-нибудь подыщем для наших заводиков.

Излиянии Флита были прерваны стуком в дверь. Вошел адъютант и доложил, что представители эскадры хотят говорить с ним. Осовелыми глазами Флит уставился на адъютанта.

— А я же кто такой, по вашему мнению? Не представитель разве?

Адъютант смутился.

— Адмирал вас не понял, попросите их, — вмешался Штерн.

— Да, да, конечно, — немедленно подтвердил заявление министра Флит.

Офицеры вошли.

— Я рад приветствовать в вашем лице, — вкрадчиво начал Штерн, — нашу непобедимую армию.

— Почти! — сорвалось с уст молодого офицера, прислонившегося к стенке.

— Вы правы, — с чарующей улыбкой поправился Штерн. — Я хотел сказать, армию, которую вы сделаете непобедимой под руководством адмирала Флита.

Флит утвердительно закивал головой, с печалью смотря на вино. Нагреется, не тот вкус будет, мелькало у него в голове.

— Родина ждет от вас подвигов! История запишет ваши имена золотыми буквами! От имени родины я в вашем лице — обернулся он к Флиту, — и в вашем, — с театральным поклоном обратился он к офицерам, — приветствую эскадру.

— Мы не будем работать, господин министр, на уменьшенном жаловании, — воспользовавшись паузой, проговорил один из делегации.

— Уменьшить? — сделав удивленное лицо, произнес Штерн. — Откуда вы взяли, господа? Наоборот! Я издал декрет! Он подошел к столу адмирала и, взяв с него первую попавшуюся бумагу, потряс ею в воздухе. — Вот он! — воскликнул Штерн. — Этим декретом вам, как эскадре особого назначения, я увеличиваю жалование.

Раздалось жидкое ура. Штерн глубоко поклонился. В дверях образовалась маленькая давка, так как никто не хотел выйти последним. «Хорошо, что не знает фамилий», — была их общая мысль.

— Они поплатятся за наглость, — прошипел Штерн, когда за делегацией закрылась дверь. — Запомните, адмирал.

Флит опустил стакан, который он поднес к своим губам.

— Конечно, экселенция! — произнес он.

— Я никогда не вступаю в борьбу сразу со всеми моими противниками. Нет, по очереди. Придет время и для этих молодчиков. Позовите Мартини.

Через минуту перед ними стоял вице-адмирал.

— Я забыл захватить с собой декрет, которым при моем отъезде всем чинам эскадры повышается на 20 % оклад. А затем, адмирал, конфиденциально составьте список чинов эскадры имеющих связь с «КМ».

Мартини вздрогнул.

Густая мгла окутывала еще суда эскадры, когда зашумели пропеллеры. Было ровно четыре часа. Подымаясь с маточных кораблей, амфибии быстро скрывались на горизонте одна за другой. На долю О'Генри выпало самое тяжелое задание: установить аппараты на острове, где ничего, кроме лагуны и скал, не было. По данным, собранным на архипелаге шпионами федерации, на этот остров через барьеры прибрежных скал не смогла до сих пор пробраться даже рыбацья лодка. Когда амфибия достигла острова, был уже полдень. Приказав снизиться до последней возможности, пока амфибия кружилась над островом, О'Генри его внимательно изучил. На узкой прибрежной полосе белелись кости скелета. Значит, и посещали и жили на нем, но уйти не смогли. Подходящих мест для установки своих аппаратов он нашел несколько. Спуск был опасен и труден. Проведя несколько неприятных минут, экипаж амфибии облегченно вздохнул, когда, врезавшись плавниками в песчаную косу, аэроплан, вздрогнув, остановился.

— Вторично, — сказал пилот, — я бы не решился здесь спуститься. Смотрите.

Действительно, всюду в шахматном порядке, как- будто установленные заботливой рукой, торчали подводные камни, из-за них пеной волны обозначали рифы. О'Генри молча приступил к установке аппаратов. Мертвая тишина цар-

ствовала на острове; в этом на первый взгляд зеленом рае смерть подстерегала на каждом шагу. Было жутко, всем хотелось как можно скорее оставить остров.

V

Нелли, стоя перед директором, часами стенографировала письма, которые он ей диктовал. Перед дверьми он зажег желтую лампочку — знак, что никто не смеет войти в комнату, и диктовал одно за другим бесчисленные письма. Нелли мало думала о содержании писем, ее мысли были заняты другим. После увеселительной поездки на яхте она сильно переменялась. Случайно она стала в Босфоре свидетельницей конца глубокой трагедии и узнала многое, чего никогда не подозревала или мимо чего беззаботно проходила в своей жизни. Пока мысли ее стремились в засасывающую неизвестность, такую заманчивую, что она по первому же зову, бросив все, окунулась бы в нее, ее рука летала по листкам блокнота.

— В интересах наших покупателей, — приподымая правую бровь, изрекал директор, — и всего человечества, ценою бесконечных жертв нам удалось в модели этого года ввести новые усовершенствования. Вам нет необходимости, чтобы похорошеть, останавливать автомобиль, открывать пыльный грязный сундук, прикрепленный сзади, и оттуда вытаскивать несессер. Ничего подобного! — Директор остановился, подчеркнул два раза и продолжил. — Нет! Покупая нашу модель автомобиля, этого не надо делать. Ваша прелестная рука нажимает на кнопку и перед вашими глазами: ваш несессер, картонка для шляпки, чемодан с платьями, ботинки. Вы взяли что нужно. Опять нажали кнопку и все это исчезло в глубине машины. Только женщина, которая пользуется нашим автомобилем, в состоянии всегда быть красивой, изящной, желанной.

Дальше следовала биография патрона директора, создавшего эти знаменитые машины.

— Наш гениальный Шими всего себя посвятил служению покупателю, — многозначительно говорил дальше директор. — Его гениальный ум искал только одного — найти способ сделать каждого человека своим потребителем. Вся его жизнь — это овладение этап по этапу сердцем покупателя. Его анкеты со временем превратились в плебисцит, на который каждый должен был дать ответ: да или нет! Т. е. хочу ли я воспользоваться всеми благами жизни и сохранить здоровье, что возможно лишь, покупая фабрикаты вечно стоящего на страже ваших интересов, или не хочу сохранить здоровье и воспользоваться радостями жизни. Последний плебисцит был почти единогласное признание того, что Концерн Шими прочно овладел сердцами покупателей.

— Мы, — с отдельной строчки произнес директор, — как генеральные уполномоченные в федерации гениального Шими, верны его принципам. Наше информативное бюро, гаражи, мастерские круглые сутки находятся в распоряжении нашего потребителя.

«Мы...» — так было каждый день до обеда, так продолжалось обычно и после обеда. Так как директор был сегодня в ударе, было особенно нудно.

Временами Нелли казалось, что против нее сидит совсем не директор, а тот странный, изможденный человек, который умер у них на руках в Босфоре.

— Мы продаем в год столько машин, сколько не продает за три года... Все умерли, доктор, Андрей! Вам успеха! — шептали его губы.

— Повторите! — Нелли вскинула удивленные глаза на директора — Повторите? — переспросила она. Резкий звук гудка вывел Нелли из затруднительного положения. Нелли вышла в коридор. Из бесчисленных комнат двери непрерывно раскрывались, и коридор наполнялся людьми. Коридоры выливали людские ручьи на лестницы, по которым уже они мощным потоком достигали двора. Из многочисленных фабричных корпусов и мастерских спешившие толпы рабочих сливались с чиновниками. Огромные заводские ворота, как всегда, были закрыты, а нетерпеливая тол-

па по два или по три через две боковые калитки выпускались наружу. На проходящих через калитку устремляли свои пронизывающие взгляды сторожа завода и очередной заводской детектив. До прогулки на яхте Нелли это ожидание обычно использовала для оживленного разговора с коллегами, остря насчет сторожей. После поездки ей был неприятен этот традиционный молчаливый надзор. Ей чудилось, что и эти посевшие у ворот люди несут ответственность за совершаемое ежедневно в мире зло. И почему-то казалось, что их взгляд особенно внимательно задерживается на ней, — пытаясь заглянуть в душу. На площади это чувство ее покидало. Здесь она чувствовала себя частицей людского моря, шумного и подвижного, не спеша струившегося по широким улицам. Ей было радостно в этой толпе, думавшей лишь о том, как полнее и радостнее использовать свое свободное время. Она пересекла сквер и оглянулась. Как походил город в этот момент на гигантский муравейник. Парки и скверы потихоньку наполнялись. Чиновники и рабочие заменяли теперь на скамейках незадолго перед тем просидевших все утро за газетой пенсионеров или женщин с детьми. Другие группами спешили по улице, ведущей к мосту, одни, чтобы, разбредясь по берегам, начать купаться в маленькой речке, другие, чтобы все свободное время прогонять с остервенением по лужайке мяч, толкая его головой и ногами. Нелли, пройдя еще несколько улиц, вышла на улицу, носившую громкое название набережной. Каждый домик на ней утопал в зелени. У калитки зеленого цвета Нелли остановилась. К ней наперегонки бежали Александр и Мэри.

— Нелли, не важничай. Что сегодня гениальный Шими сделал на пользу человечества вообще и свою в частности?

— Отстаньте!

И все вместе, смеясь, обогнув фасад серого одноэтажного просторного дома, очутились в большом саду. Между большими разросшимися каштанами было устроено подобие беседки. Оттуда, как только вошедшие показались на аллее, подняв руку с письмами над головой, бывший в беседке молодой человек крикнул:

— Кто прибежит первым, получит.

Бросив на газон шляпку, которую держала в руках, Нелли полетела, как ветер. Спohватившись, помчались за ней Мэри и Александр. Но было поздно. Нелли уже скакала около высокого молодого человека, пытаясь вырвать письма у него из рук, крича:

— Седлачек, это нечестно.

Взяв письма, она села за стол и жадно начала проглатывать их содержание. В это время Александр осматривал конверты. Нелли, прочитав письма, сунула их в карман и, схватив Мэри за руки, весело закружилась.

— В чем дело, Нелли. От кого? — осыпали ее со всех сторон вопросами.

— Вы плохо себя вели, дети, поэтому догадывайтесь. Предложили войти в «КМ».

— Но это еще не все, Нелли, ты что-то скрываешь.

Нелли сделала реверанс и сказала:

— Еду в Италию.

VI

В стороне от железной дороги, тянувшейся сотнями километров через леса и болота Полесья, шла обычная полеская дорога. Проходя через прогалины и опушки, дорога змеей извивалась между пней. Идя же лесом, она изредка гатью перебрасывалась через вечную топь, чтобы дальше опять замелькать между пнями и деревьями. Поздние ягоды и грибы — грибы в бесконечном количестве — лезли в глаза путешественнику на каждом шагу. Покрытые мхом кочки вперемежку с березами и елями дополняли картину. Был полдень. Все застыло, ветер чуть-чуть шевелил листву. Тишину не нарушали даже лягушки. Изредка пролетала птица или проскакивал заяц, Тихо журча, неизвестно куда струились ручьи. В тех местах, где дорога пересекала ручей, если был песок или твердое дно, через речку шел брод; если дно было вязкое, топкое — мостик из бревен. В

половодье вода эти мостики срывала, как щепки, унося их с собою. Население в этих краях жило поселками, иногда удаленными друг от друга на 20 и 30 километров. В половодье многие из них месяцами были отрезаны от мира. Но зато зимой, когда ледяная кора затягивала все болота, а снег возвышался на ней глубоким слоем, и люди и звери могли свободно рыскать по всем закоулкам. В такой местности поселился Орлицкий. В километрах сорока от железной дороги он вырубил лес, а на опушке построил ряд дач. Это были далеко не дачи, а бревенчатые крепкие дома, снабженные тем максимумом удобств, на которые можно было претендовать в этой местности, а два года назад он перенес часть лабораторий и построил мастерские в середине болота, приступные только зимой. Ни один полешук не мог хоть издали увидеть эти стройки. Весною с всех концов Полесья разбухшие ручьи несли лес к рекам. У устьев ручьев сплавщики ловили лес, комбинировали из него плоты — из веток делали хижину и пускались на них по Горыни и Припяти к шумным большим городам, а иногда мимо них еще дальше — ближе к морю.

Дорога шла мимо опушки леса, на которой были расположены дома, построенные Орлицким. Фасадом дома были обращены к лужайке, устланной ковром из ландышей. На противоположной стороне лужайки стояли конюшни и ряд одноэтажных построек. Около них распрягали пару гнедых, покрытых пеной. Пока конюх вываживал лошадей перед тем, как поставить в конюшню, подросток мыл фаэтон, покрытый толстым слоем грязи. Близился вечер.

На веранде дома звенела посуда. Убирали со стола. За столом сидели человек пятнадцать, одетых, главным образом, в дорожные костюмы. Было видно, что, за исключением двух-трех человек, это были приезжие. Они с любопытством впитывали в себя все детали этой новой для них обстановки. Объяснения давал Орлицкий, энергичный шатен с многочисленными седыми волосами на голове. Сегодня был первый день съезда уполномоченных различных групп «КМ»-а.

Орлицкий встал и, обращаясь к присутствующим, произнес:

— Подходит момент, когда нам нужно вынести решение о том, что предпринять. За очень редким исключением почти во всех государствах мира становится душно.

Близко зазвучал пропеллер, и на лужайку упала тень от пролетавшего над ними совсем низко воздушного поезда. Улыбнувшись, Орлицкий прервал свою речь и сказал:

— Скорее за мной на лужайку, это одно из наших редких развлечений здесь.

Поезд летел совсем низко, казалось, еще немного и он заденет за верхушки деревьев. Крылатых вагонов в поезде было много. Эти вагоны были окрашены в два цвета: зеленый и красный. В зеленых сидели пассажиры, а в красных находился товар. Аэроплан-паровоз уже пролетел над лужайкой, когда сидящие в зеленых вагонах заметили сверху дома, лошадей и группу людей на лужайке. Из передних вагонов, где виднелись скуластые монгольские лица, доносилась песнь. Песнь была несложная, как их степи, заунывная, как зимняя вьюга, а в то же время в ней чувствовался размах необозримых просторов Азии. Из остальных вагонов махали зонтиками, шляпами и платками. Через минуту поезд уже был далеко, а эхо в лесу еще продолжало звучать. Когда вернулись на веранду, стол был уже устлан планами и схемами, а также на нем стоял глобус. Когда все заняли свои места, Орлицкий продолжал. Его мягкий баритон своим приятным тембром располагал слушателя к нему.

— У зверей иногда бывает, — продолжал Орлицкий, — содружество поневоле. Например, в этих местах весной во время половодья нередко на маленьком клочке земли, не трогая друг друга, сидят рядом и ждут, когда спадет вода, заяц и лисица. Человечество же таким вынужденным содружествам, чтобы скрыть их сущность, приклеивает обязательно фиговый лист, называя: лигой, пактом, союзом и бесконечным количеством других названий.

Что это дает? Это дает возможность только ловким дельцам играть на злобе обиженных — не включенных из-за ненадобности в данное содружество.

Что же касается веры в то, что спасение придет от чего-то или кого-то — избранного, это верование также старо, как и нелепо. Возьмите, например, армян, семитов, цыган. Их временами избивают, а временами сажают на почетное место и не знают, как лучше угодить. Виновата ли в этом избранность этих народов? Нисколько. За то, что весь смысл своего существования они видели в коплении денег, они по очереди страдали: Карфаген от римлян, армяне от турок, евреи от многих. За то, что себя посвятили использованию человеческой мнительности и суеверности, цыган и бьют и ласкают — в той же мере теперь, как и раньше. Боятся славян за то, что благодаря своей интуиции, они вовремя захватили огромные пространства. За то же не терпят англо-саксов, хотя те добились того же исключительно благодаря своей рутине.

Из этих элементов и создался вокруг каждого в отдельности и всех государств вместе взятых заколдованный круг. А внутри каждого душно, как сказал я вначале. Поэтому... — Орлицкий остановился и взял стакан воды в руки. Выпив его, продолжал:

— Если мы не перейдем сейчас же к выполнению того, что нами задумано и подготовлено, — весьма возможно, что потом будет поздно. Если вещи в дальнейшем будут идти так, как сейчас, государства, а с ними и мы, попадем в то же положение, в какое попали косули на Хинганском плоскогорье. Картину, которая живыми красками представила происходящее там, я видел в одном из сибирских музеев. Она стоит перед моими глазами, как живая.

На Хинганском плоскогорье, на поверхности, занимающей более 100 000 квадратных километров, пасутся бесчисленные стада косуль. Выпал ранний снег. Потом ударил мороз, и подножный корм покрылся корою льда, которую косули не могли пробить копытом. На всем плоскогорье царил гололедица. В течение двух-трех дней все косули с этой огромной поверхности потянулись, как одна, к тому месту Амура, где он, прорывая хребты, уже всего. По Амуру уже плавали льдины. На другом берегу Амура население, узнав, что сотни тысяч косуль плывут к ним, высыпало на

берег. Амур, помимо льдин, был усеян бесконечным количеством черных точек, двигавшихся к берегу — это были головы косуль. Тысячи их убили, но остальным все-таки удалось добраться до цели своего путешествия. Цель их похода была низменность реки Сунгари, впадавшей за горным хребтом в Амур. На ней была трава и не было еще снега. И в недавнем прошлом люди поступали, как косули! Сейчас же подходит снова такой же момент! Когда косули двинулись, их ничто не могло удержать. Когда человечеством овладевает психоз, его тоже ничто удержать не может, а мы, сильные сейчас, — в этом стихийном движении будем беспомощны. В наши молодые годы редко кто из нас не столкнулся с фактом, что до сих пор безуспешно ищут виновника мировой войны. Виновника нет до сих пор, а война была. Разве по примеру своих европейских братьев не затеяли в меньших размерах драку в Южной Америке? Затеели? После Южной Америки, Африка и наконец на наших глазах начинается бойня в Азии.

Орлицкий, кончив, устало опустил на стул. С многих мест раздались одобрения. Пожилой человек лет пятидесяти, если не больше, изящно одетый, с моноклем, крашеными волосами и усами, уже несколько раз пытался заговорить. Но его сосед со словами: «Не горячитесь, м-сье Журдан», — каждый раз его останавливал. Воспользовавшись паузой, Журдан желчно обратился к Орлицкому:

— Это, надеюсь, было только введение?

— К чему это? — слышались голоса.

— Это к тому, что я приехал в эту глушь за указанием, что делать? Я мог уловить из сказанного только отдаленный намек. Я поклонник г. Орлицкого, его талант общепризнан, но я не вижу данных, не вижу фактов.

— Хорошо, — произнес Орлицкий, — пусть будет так, как вы хотите, я дам вам факты!

Наше лекарство — это плановое устройство каждого государства и плановое соглашение между всеми ими! Благодаря этому каждый человек получит возможность целесообразно работать.

— Прекрасно, но как же мы проведем это? Если кто-либо и согласится, потребует деньги!

— Деньги есть, — с неизменной улыбкой ответил Орлицкий.

Огонек любопытства все ярче разгорался у Журдана в глазах.

— А если кто-нибудь нападет на государство, которое вы взялись перестраивать?

— Мы уничтожим противника!

— Ого! так не в вашем ли распоряжении сейчас летающая фея «Церон» или что-нибудь в этом духе?

Журдан еле сдерживал себя от злости. Корректные, но насмешливые ответы Орлицкого его вывели из себя.

— Почти что, господин Журдан! — резко заметил сидевший в стороне Стеверс.

— Почти что?

— Довольно, что за перекрестный вопрос? Если вам не по дороге с нами, оставьте нас в покое! — слышалось со всех сторон.

— Но я имею право знать! — встав, произнес побледневший Журдан.

— Лишь то, что мы решим, иначе мне придется отказать вам в гостеприимстве, — резко сказал Орлицкий.

Журдан, шумно отодвинув стул, вышел.

Наступила ночь, накрапывал дождик. Вскоре с лужайки слышался голос Журдана:

— Такси! Извозчик!

Ничего, кроме пения лягушек, не ответило ему. Сделав несколько шагов, Журдан споткнулся о пень и упал. Встав, он медленно направился к веранде, осторожно ступая. Поднявшись по ступенькам, он, стараясь не шуметь, открыв стеклянную дверь веранды, вошел обратно. На него никто не обратил внимания. Сидевшие ближе к входной двери подвинулись и он, извиняясь, сел между ними. Говорил сейчас блондин, по виду скандинавец, старавшийся правильно произнести каждое слово. Рядом с блондином стоял глобус, на котором в различных местах светились три точки, а каждая из них в свою очередь была заключена в тоже све-

тившуюся изломанную линию.

— Вот эти государства, — он показал рукой на светящиеся линии, — согласились принять наш план и наши условия. В их столицах — в этих трех светящихся точках, решено было совместно с нами следующее:

В наше распоряжение поступают все суммы, предвиденные для военного бюджета. Взамен этого защиту их границ мы принимаем на себя.

Журдан был весь внимание, стараясь не упустить не только ни одного слова, но даже ни малейшей детали из того, что здесь сейчас происходило.

— В комитет по выполнению плана членами входит половина кабинета министров. Председателем комитетов во всех трех государствах уже выбран г. Стеверс.

В государственные банки этих государств мы вкладываем количество золота, равноценное величине годового бюджета каждого из них.

Через пять лет наше соглашение, в случае выполнения нами всех условий, автоматически продлится на следующие десять. Через десять — на двадцать пять и так дальше.

— Но откуда же столько денег? — не выдержал Журдан. Ему никто не ответил.

— Одобряете вы сделанную нами работу? — задал вопрос Орлицкий.

— А теперь, господа, знайте, что кто не с нами, тот против нас, — шутливо сказал Орлицкий. — Закончим этот вопрос сейчас же, встаньте, кто за начало борьбы.

Все встали. Встал и Журдан.

— Внимание, господа, — произнес Стеверс, — помните, что завтра первый день нашей мобилизации.

— Многие из наших уже на месте, снабженные всем необходимым, — добавил Орлицкий. — Нам осталось еще только вложить в банки государств уговоренную сумму денег.

VII

Мощная многомоторная амфибия, окрашенная в цвет федерации, кружилась над маленькими островами, казавшимися пунктиром, делящим Индийский и Тихий океаны. Больше года назад на некоторых из этих островков были расставлены автоматические разведчики, славшие известия. В специальной каюте флагманского судна были экраны, на которых проектировалось все, что эти автоматы видели вокруг себя. Над одним из островков амфибия снизилась, но внимательный глаз О'Генри нигде не мог найти автоматического аппарата, им же самим здесь в свое время установленного. Кроме того, сам остров невозможно было узнать. На скалистом массиве в центре была срезана верхушка и там виднелись махавшие ему руками люди. Лагуна исчезла. Я ошибся, — подумал О'Генри и приказал пилоту забрать высоту. На горизонте он увидел целую флотилию судов, производящих между островами какие-то работы. По внешнему виду они напоминали крупные рыболовные судна, но, внимательно всмотревшись он увидел на них все характерные особенности военных судов. Ему показалось, что они были довольно небрежно маскированы. Почти задев их крылом, пролетела мимо одного из них амфибия. На палубе судна сушились сети, паруса были спущены, Внимание О'Генри сосредоточилось на маленькой фигурке, окруженной экипажем. «Не может быть», — отгоняя от себя мелькнувшую мысль, прошептал О'Генри. Но через минуту, нервно схватив трубку радиотелефона, он произнес:

— Алло! майор Осаки, алло! Здесь говорит О'Генри.

После короткой заминки до него дошел голос Осаки:

— Я рад вас видеть, О'Генри, но вы нарушили нейтралитет и, если немедленно не улетите, я прикажу открыть по вам огонь.

В ответ О'Генри весело рассмеялся:

— До скорого свидания, Осаки!

— До скорого, О'Генри!

Через минуту несся доклад о этой встрече и с амфибии и с судна. С аппаратом начало происходить что-то странное. Шум моторов стал прерывчатым и амфибия начала накрываться все больше и больше. Внизу на большой высоте показалась каемка пены у коралловых стен, опоясывавших остров. На нее, вдруг потеряв равновесие, начала стремглав падать амфибия.

Осаки в бинокль с беспокойством следил за трагедией, начавшейся разыгрываться около острова. Ему вспомнилась набережная, облитая солнцем, Нелли, идущая по ней, держа за руку маленькую Риту, а рядом с ней он и О'Генри.

От пансиона, где жил Осаки, было два шага до моря. Оно виднелось из окна его комнаты и достаточно было перейти уютный сад пансиона, чтобы выйти к нему. Купальня была значительно дальше, за вокзалом, за пристанью. За табльдотом в пансионе было мало народу. В нем Осаки, благодаря своему соседу, торговцу из Генуи, познакомился с Нелли. Торговец свою жизнь поделил на три равных части: между Генуей, Сан-Ремо и Монте-Карло. Его бесчисленные записные книжки, испещренные цифрами, подтверждали, что действительно он нашел систему постоянно выигрывать в рулетку. Он начинал свою работу в десять утра. Около часу приходил в казино, чтобы вернуться в два-три часа ночи, принеся с собой выигранных двести или триста лир. Его система была несложна. С жетонами, зажатыми в руке, он часами присматривался к тем, кому улыбалось в тот день счастье. К их ставкам он прибавлял свои два-три жетона. А потом снова ждал, не спуская испытующего взгляда с зеленого, манящего к себе поля. Когда Нелли в сопровождении его и Осаки попала в это капище богини азарта, было рано и залы еще не наполнились. И ей и Осаки бросилась в глаза высокая седая дама, гулявшая между столами с зажатым в руках столбиком жетонов. Ни разу ни одного жетона она не бросила на стол. Но когда другие выигрывали или проигрывали — она нервничала, глаза начинали у нее блеснуть. Как объяснили им, это переживание — единственная ее радость в жизни. Ее семья трагически погибла, имущество пропало. У нее оста-

валось лишь столько денег, чтоб жить здесь впроголодь и, утром разменяв деньги на жетоны, в той же кассе казино, радостная, обменивала их ночью вновь на деньги.

Почти все дни, кроме тех, когда появлялся Билль, они проводили на морском песке, или уча Риту плавать и играя с нею, или уплывая вдвоем до буйка, торчавшего в открытом море за окончечностью мола. О'Генри встретил приятеля по колледжу, Билля, однажды в городском парке на музыке. Билль познакомил его с ними, в дальнейшем они всюду бывали уже втроем. Над загадочными появлениями и исчезновениями Билля они не задумывались. Его объяснение, что жена проходит курс лечения на Лаго Маджиоре в санатории Стеверса, они нашли естественным. Обоих все больше интересовала Нелли и только Нелли. Никто из них не подозревал, что жизнерадостная и беззаботная Нелли в те дни, когда появлялся Билль, ночь напролет писала на машинке, переписывая и приводя в порядок привозимый им материал. Рита настолько привыкла к О'Генри и Осаки, что нередко барабанила ручками в дверь Осаки, если хотела получить что либо, в чем ей отказывала Нелли. Не найдя Осаки, она сумела добраться до отеля, где жил О'Генри и, сказав, что Нелли после придет на музыку, пошла с ним ее слушать. Когда Рита засыпала, шли на мол и там в ресторане, состоявшем из трех столиков и прилавка, в ночной тишине за стаканом кианти наблюдали за огоньками в горах, мелькавшими над городом. О'Генри и Осаки были интересные собеседники. Они неоднократно объездили весь мир, много видели, много пережили и умели картинно рассказывать об этом. Изредка долетала до них музыка из городского парка. Иногда же доносилась песня, в которую невидимые певцы вкладывали всю свою душу. Расстаться пришлось раньше, чем предполагали. Однажды, придя за Нелли, чтобы идти на пляж, вместо пляжа они проводили ее на вокзал. Куда-то вдоль моря унес ее вместе с Ритой поезд. А им вчера еще солнечное и радужное Сан-Ремо показалось неинтересным, скучным. Вечер провели вместе, но начали ощущать, что не только друг другу совершенно чужды, но даже враждебны. Между ними встала Нелли. О

ней же сейчас они знали меньше, чем в тот момент, когда они впервые встретились. Они не знали, куда и зачем так неожиданно унес ее поезд.

Из амфибии выпала фигура, пытавшаяся раскрыть парашют. Заметив это, Осаки одним прыжком вскочил в глиссер, привязанный сбоку судна и, не обращая внимания на удивленные лица команды, включил мотор. Глиссер рванулся и как стрела, чуть касаясь поверхности, ринулся с безумной быстротой к коралловому барьеру, на который ветер относил человека, падавшего на парашюте. У боцмана, с трудом пришедшего в себя от удивления, вызванного поступком Осаки, вырвалось только одно слово: «сумасшедший». Исчезнувшая уже в морских волнах амфибия нисколько не интересовала Осаки. У него в голове мелькали отрывки мыслей и жгли его два имени: О'Генри и Нелли. Как гипнотизированный, он смотрел на каемку пены у первого кораллового пояса. Ветер крепчал. «Вероятно, тайфун», — мелькнуло у него в голове. Рифы были совсем близко, в одном месте ему показалось, что их зубья почти покрыты водой. Увеличив скорость, Осаки закрыл глаза. Когда он их открыл, человек с парашютом касался ногами воды недалеко от него. Осаки, выключив мотор, направил глиссер к нему. С острова тоже спешила лодка.

VIII

Группа загорелых молодых людей лежала на маленьком пляже.

— Сегодня шестой месяц нашего пребывания здесь, — говорил один из них.

— Но время так быстро прошло, как будто мы лишь вчера попали сюда, — встала миловидная Мэри. — Все происходит, как в сказке. Помните, как у нас мороз пробежал по коже, когда мы сюда попали. У представителей правительства, посланных с нами, в момент отъезда вдруг срочно поумирали тещи и тетки. Они обещали нас вскоре наве-

стить, а появились лишь на днях, теперь их отсюда не выгонишь.

— Да, Мэри, — перебил ее один из молодых людей, — а помнишь, когда Борис и Чан-ли начали этим маленьким чудесным аппаратом жечь скалы, как скалы начали трескаться и глыбами скатываться в лагуну?

— А осушка северного сектора лагуны? Помните, господа, как Нелли проспорила свою месячную порцию шоколада и как ее потом дразнили, что ее диплом инженера более чем сомнителен?

— А где она? — раздались голоса.

— С Александром и Хильдой сажает цветы и деревья в этом секторе?

Маленький хеликоптер, повиснув над островом, долго выбирал место, где бы он мог сесть. Найти клочок материка, подходящий для посадки, на первый взгляд казалось совершенно невозможным. Хеликоптер сел на узенькую полосу прибрежного песка, отделявшую лагуну от моря. Затем, видя, что через лагуну к центру острова невозможно пробраться, он легко поднялся, повис над скалами, бывшими в центре, и сел у их подножья. В десятке метров от скал снова была лагуна, переплетенная лианами, местами покрытая тростником и болотными, болезненно красивыми цветами. Лагуна от восхода и захода солнца оживала. Дивные бабочки и красивые птицы пробуждались, но вместе с ними пробуждалась и засыпавшая на день лихорадка. В два дня она превращала человека в живой труп, а на скалах или в узкой прибрежной полосе его доканчивали москиты или змеи. Если же человек в отчаянии бросался в море и чудом выплывал за рифы, он становился жертвою акул.

Более подходящего места для каторги или вообще для людей, нуждающихся в исправлении, человечество не могло бы найти. Для людей, помещенных здесь, не нужно было бы держать даже тюремщиков. Остров был неприступен. Хеликоптер доставил первую партию людей и несколько инструментов. Когда они высадились, правда, без особого восторга, хеликоптер поднялся и поплыл по воздуху за новыми людьми и грузами.

Единогласно было решено в скалах устроить свое жилище. Двое из прибывших взяли маленький аппарат. Установив, его соединили эластичными трубами с выгруженными одновременно с ним двумя ящиками и направили клюв аппарата на скалистый массив. Все смотрели на аппарат скептически. Сомнение зародилось даже у Бориса и Чунли, работавших с ним. Птица, спасаясь от хищника, мелькнула между аппаратом и скалой; в то же мгновение она вспыхнула ярким пламенем, на землю не упал даже пепел, так как ветер, подхватив, унес его в лагуну. Все замерли от удивления. Скала начала трескаться точно в тех местах, где до нее дотрагивалась невидимая струя. Через три недели горный массив уже делился на первый и второй этаж. В нем были мастерские, залы, жилые комнаты. Наверху была терраса и устроены были пляж и бассейн, который наполняла родниковая вода. Устроившись, начали думать, как овладеть лагуной. Ее нужно было высушить или засыпать. Засыпать ее можно было бы только морским песком, онеспособив ее на долгое время для культурной обработки. Осушить казалось невозможным.

Нелли была та, которая больше других уверяла про невозможность с их средствами добиться этого. Прибыли маленькие особой формы дирижабли и через трубы, висящие в воздухе над землей, полился в лагуну толстой струей мокрый морской песок. Через два месяца он, точно паук, закончил свою паутину. К скалистому массиву потянулись от берега тонкие песчаные паутинки, их было шесть. Сначала казалось, что весь труд напрасен, что песок рассосется в лагуне. За бугорками, первыми вылезшими из воды, появилась прерывистая цепь, превратившаяся быстро на солнце в ослепительно-желтую непрерывную нить. Лагуна начала сдаваться. Ее население, напуганное происходящим, начало беспомощно метаться по острову.

Затем дирижабли спустили свои трубы в лагуну и вскоре несколько воронок выросли в ее наинизших точках. Это был тот сектор, на который спустились первые люди. Борьба с водой в первом секторе была упорна и продолжительна. Первые недели казалось, что чем больше воды изры-

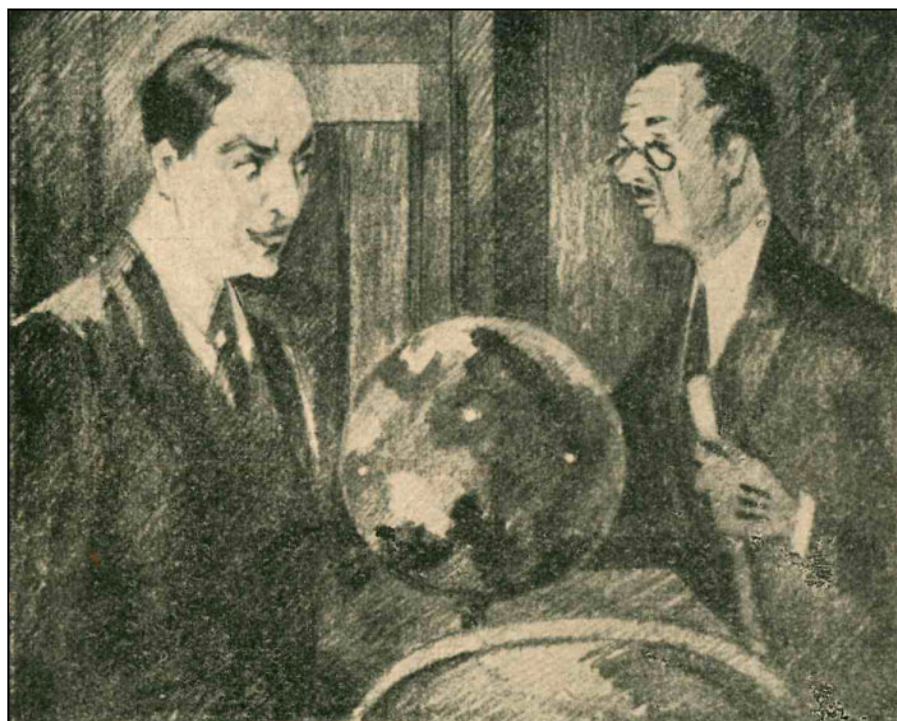
гают из лагуны в море, тем больше ее становится в лагуне. Сектор стал высыхать. Его называли Неллин сектор, во-первых, так как он был самый северный и она была с севера, во-вторых, из-за него ее шоколад месяц ели другие.

Нелли устала сажать цветы. Ей надоели комплименты представителя правительства, как тень неотступно следовавшего за ней всюду. Она позвала Хильду и Александра и все вместе направились к морю. Их появление было встречено радостными восклицаниями. Нежась на песке, под ласковое журчание набегающих на нее волн, Нелли отдыхала. Почему-то белеющий в море парус вдруг ей напомнил пляж в Сан Ремо, ее кавалеров, которые не подозревали, что два раза в неделю она проводила бессонные ночи над перепиской дневника и бумаг, привозимых Биллем из виллы Стеверса. Она вспомнила, как плакала в вагоне, когда скрылась из глаз платформа со стоящими на ней двумя печальными фигурами. И сейчас, вспоминая это, ей снова стало грустно.

IX

Не столе между Штерном и Журданом стоял глобус. На нем светились три точки. Одна из них была столица Архипелага — государства, осмелившегося в последнее время явно предпочесть опеке Федерации протекторат группы людей, носившей громкое имя «КМ».

Взгляд Штерна не предвещал ничего хорошего. Журдан начал волноваться. Ему было ясно, что Штерн не верит ни одному его слову, больше, он чувствовал, что подозревает его в провокации. Несколько раз он собирался открыть рот, чтобы попросить у Штерна гонорар, но каждый раз он передумывал. А без денег Ванда не пустит его к себе на глаза. Никуда не поедет с ним. Банкноты и только банкноты давали ему право быть с ней, а уж дальше его талантливая передача про виденное и пережитое им за время, когда они не виделись, открывала ему доступ к ее сердцу. Ми-

лое белокурое создание, как интересовала ее каждая, даже малейшая, деталь его работы. Вместе с ним она переживала приключения, пережитые им. Но принципы ее были непоколебимы.

— «Кэш! Деньги на стол. Ничего в кредит — даже поцелуя руки. Наличными вперед! — говорила Ванда. — Так поступает моя фирма, так поступаю я».

— Вот что, молодой человек, — Журдана передернуло. — Я вам говорю, что меня, Штерна, такими выдумками — Штерн ткнул пальцем в глобус, — вам провести не удастся. Возможностей заставить Архипелаг нам подчиниться у меня достаточно. Что же касается вас — не нравится мне ваше поведение. Не нравит-ся, — врасстяжку произнес Штерн, неприятно улыбаясь.

От этой улыбки мурашки забегали по спине Журдана.

Раздался телефонный звонок.

Не спуская глаз с Журдана, министр медленно взял телефонную трубку. По мере того, как он слушал, с его лица сходило обычное самоуверенное выражение.

— Придите ко мне сейчас же лично. Поняли? сейчас же! — бросил он в телефонную трубку и резко положил ее на место. Затем, пронизывая Журдана взглядом, грубо его спросил:

— Сколько ты хочешь? Помни, что я точно знаю, куда ты заезжал и кого посетил, возвращаясь сюда из Полесья!

Журдан не переносил хамства, выше всего он ценил в людях воспитание и выдержку, но прежде всего он был игрок. Он ясно ощутил, что что-то произошло в его пользу и что его партнер Штерн потерял хладнокровие, — немедленно Журдан попытался это использовать. Он поднялся со стула, опустив глаза вниз, чтобы не выдать себя своим взглядом.

— Ваша экселенция, видимо, меня не поняла, это для меня страшный удар, так как пробравшись в сердце «КМ», я поставил на карту мою жизнь. Я указал Вам, экселенция, про их намерения, сообщил вам про количество имеющегося в их распоряжении золота, я узнал, что они владеют волшебным огнем, которым Орлицкий распоряжается, как

хочет. Все, что я знал, я рассказал вам, гению нашей нации. А вы?! Ваша экселенция отнеслись ко мне, Журдану, как к профессиональному провокатору. Ко мне, которого, быть может, смерть подстерегает на пороге вашего кабинета, — сказал Журдан патетически, показав рукой на дверь. Штерн бросил на дверь, показанную Журданом, испуганный взгляд. В карих глазах Журдана блеснула слеза. Беспомощно разведя руками, он добавил:

— Если меня не оценил первый человек в мире, что мне ожидать от остальных? — Фигурой своей Журдан изобразил безнадежность и отчаяние, еще раз беспомощно развел руками и сокрушенно сел.

Штерн, делая вид, что тронут до глубины души, мягко сказал Журдану:

— Вы меня не поняли, друг мой. Вы сами понимаете, что явно признать ваши заслуги, подвергнув вас этим лишней опасности со стороны этой мафии, называющей себя поборниками мира, я не могу. Ваша заслуга огромна — вы раскрыли мне глаза. Вы нам теперь очень нужны. Но я вижу, что вы переутомлены и что ваши нервы поистрепались и предлагаю вам поэтому в течении трех недель отдохнуть и полечиться. Через три недели я лично дам вам новое задание. Ваше жалование вами уже получено, дорогой Журдан?

— Да, экселенция!

— Вот вам в таком случае награда, друг мой! — и Штерн стал выписывать чек. Из-за Штерна до Журдана донесся шелест банкнотов, а над ними склоненная златокудрая головка Ванды. Шелест прекратился и головка Ванды с ее чуть раскрытыми страстными губами откинулась назад. По телу Журдана пробежала сладострастная дрожь. Видя, что рука Штерна в раздумье задержалась на цифре, Журдан жалобно сказал:

— Экселенция, я так болен, а доктора так дороги.

Штерн бросил на него иронический взгляд.

— Да, приятель! Доктор Ванда дорог!

Штерн улыбнулся, видя, что Журдан побледнел и, дописав еще нуль, протянул ему чек. Журдан жадно схватил

чек. Пятясь, подобострастно кланяясь, он пошел к дверям. Как только он нащупал ручку и очутился за дверью, к нему вернулась вся его врожденная наглость. В коридоре Журдан уже был человек хорошего общества, знающий себе цену и слегка склонный к филантропии.

Штерн надавил кнопку звонка. Скрытая в стене дверь бесшумно раскрылась. В ней показался человек с безразличным, ничего не выражающим лицом; он подошел вплотную к Штерну.

— Каждый разговор Журдана с его любовницей, каждое их движение, каждую их мысль — я должен знать ежедневно в это время. Вы меня поняли?

— Понял, экселенция.

— Ступайте!

Вошедший исчез также бесшумно, как и вошел.

Нажим другой кнопки и перед Штерном появился шеф его кабинета с толстой папкой бумаг в руках. Нетерпеливым жестом Штерн раскрыл папку. Сверху лежал дешифрованный обширный доклад адмирала Флита. К нему был приложен рапорт О'Генри. Штерн не верил своим глазам. Острова, которые искони были под протекторатом федерации, ускользали из его лап. Эти авантюристы, так работая, пожалуй, приберут к рукам весь мир. Нужно действовать резко и решительно сейчас же. Но как? Оккупировать? А предлог? Штерн перевернул несколько бумаг. Перед его глазами очутилась телеграмма о гибели аэроплана О'Генри. Штерн улыбнулся:

«Везет мне, — подумал он, — грех будет не использовать катастрофу амфибии».

В кабинете царила тишина, шеф кабинета, застывший в почтительной позе, казался частью обстановки. Штерн встал и заходил по мягким коврам, устлавшим кабинет. Вдруг взгляд его упал на глобус, оставленный Журданом. На нем по-прежнему продолжали светиться три точки. Штерн подошел ближе к глобусу. Ему показалось, что непокорная столица начала особенно ярко светиться. Им овладело раздражение и он взмахом руки сбросил глобус на пол. На полу, кроме столицы, засветился и весь контур гра-

ниц Архипелага; это уже было явное издевательство над ним и Штерн, бормоча проклятия, стал в бешенстве топтать глобус ногами. Легкий треск, вспышка и в кабинете стало темно. Дикий страх сменил бешенство

— На помощь! На помощь! Убивают! — заорал Штерн, забившись в угол.

Захлопали двери. Кабинет наполнили люди охраны, освещая его карманными фонарями. Под руки, через выстроенный, поднятый по тревоге, караул довели Штерна до автомобиля. И спереди, и сзади лимузина ехали автомобили охраны. За городом, в парке своей виллы Штерн начал приходить в себя. Через час он уже улыбался, вспоминая про свой испуг.

Х

Журдан сидел за столиком своего любимого варьете, было 10 часов вечера, и бар начинал только наполняться. Он испытующе, с видом знатока, осматривал каждую проходящую женщину. Нервно взглядывал на часы, он, постоянно оборачиваясь по направлению к входу, давал ясно понять всем, что кого-то ждет. Затем, вертя в руках кольцо с брильянтом в платиновой отделке, подозвал метр-д'отеля, заказал отдельный кабинет, выбрал вина и блюда, подчеркивая каждым своим движением, что он ждет, не дожидаясь своей дамы. Вложил кольцо в футляр, спрятал его в боковой карман и пошел к телефону. Видя, что какой-то толстяк спешит к телефону, он галантным жестом пропустил его вперед. Как только вошедший в будку начал разговор, Журдан проскользнул в дверь, ведущую в отделение для прислуги. Вскоре старый расхлябанный такси увозил его далеко от бара. Детектив воспользовался выходом Журдана, чтобы набросать для очередного донесения свои наблюдения. Министр будет доволен. Детектив узнал, что через два дня Журдан, переодетый прислугой своей любовницы, собирался бежать. В открытую дверь силуэта Журдана

больше не было видно, он, видимо, вошел в будку и торопит Ванду, — подумал детектив. Из будки доносился голос, нежным тембром ведущий нескончаемый разговор. У будки собралось уже несколько человек, начавших все громче и громче протестовать. — «Вот дурак, — резонировал он, — так влюбился, что от телефона не оторвешь». Наконец, бесконечное прощание кончилось, телефонные провода проглотили бесчисленные поцелуи, и дверь кабины распахнулась. Детектив не верил своим глазам. Это был не Журдан, а добродушный жизнерадостный толстяк, долго извинявшийся от всего сердца перед ждавшими очередь.

Журдан сунул в руку шофера банкнот и дал адрес. Подняв перегородку с завесой и изолировавшись от шофера, он вскоре скользнул на ступеньку. Бесшумно закрыв за собою дверь, он спрыгнул. Используя все способы передвижения, Журдан очутился за городом у одиноко стоящей в стороне от дороги виллы. Пошарив рукой по крыше беседки, скрытой от внешнего мира высокой стеной, опоясывавшей виллу, он извлек одну черепицу и вынул из образовавшегося отверстия ключ. Заботливо вернув черепицу на старое место, он, не заходя в виллу, открыл гараж и начал приводить в порядок бывший там автомобиль.

Рано утром камердинер графа Расмудена был уже на границе соседнего государства. Буквы *C. D. (Corps Diplomatique)* сзади лимузина, тот факт, что граф ожидал автомобиль к обеду — это было категорически указано в телеграмме, которую старик-камердинер показал таможенным властям, — и безупречность его документов сделали то, что лимузин сейчас же был пропущен. В первом местечке изящный господин, одетый в модный безукоризненный костюм, подняв на ноги хозяина маленького гаража, одел на него форменную фуражку и нанял его отвести автомобиль до главного города. Там, приведя в порядок машину, он должен был подождать приезда его шофера, который прибудет не позже, как через два дня. Обрадованный неожиданному заработку хозяин гаража снабдил его всевозможными справками о пароходах и не меньшим количеством пожеланий. Журдан при нем вошел в помещение паро-

ходного общества и взял билет на пароход, отходивший через час в Ирландию. Выйдя оттуда, он, зайдя за угол, приказал первому попавшемуся такси возить себя в столицу, куда только что перед этим послал свой лимузин. Его расчет оказался правильным. При выезде из города он увидел свой лимузин, мирно стоявший перед трактиром. На аэродром, переменяв еще раз такси, он приехал за полчаса до отлета воздушного поезда на восток. Литовский гражданин Замойкис взял самый дешевый билет. Вскоре поезд тронулся. Из купленной им в последний момент газеты он узнал про покушение, сделанное неизвестными злоумышленниками на председателя совета министров. Злоумышленник подсунил глобус, наполненный взрывчатым веществом неслыханной силы. — Дурак, — подумал Журдан, — наверное, со злости разбил глобус, получилось короткое замыкание электрических проводов, а этот идиот со страху упал в обморок. В Берлине Журдан оставил свой поезд и решил сесть в роскошный аэроплан, летевший в Тегеран. Истории с покушением местная печать уделяла много места и делала разнообразные догадки о личности атентатора. Журдан заметил несколько косых взглядов, брошенных на него персоналом аэродрома. Наверное, сомневаются в чистоте арийской крови гражданина Замойкиса и то только потому, что бедный Замойкис приехал с самым дешевым билетом, — подумал Журдан. Подойдя к кассе, он взял дорогой билет со всевозможными доплатами. Сделав это, он с удовольствием заметил, что это не прошло незамеченным и враждебность исчезла. Он подумал: «Если в Варшаве не будут требовать от гражданина Замойкиса 100% славянской крови, я доберусь живым до Тегерана и там передохну. Пожалуй, оттуда можно будет послать Штерну сочувственную телеграмму. Бедная Ванда, — думал дальше Журдан, приятно улыбаясь своему миловидному визави, — как она, должно быть, рассердилась на меня. Интересно, с каких пор она начала работать на Штерна! Видимо, недавно! так как я уловил бы это раньше, а не только вчера!» Журдан из футляра вынул кольцо и начал следить за блеском камня, поглядывая на соседку. Другие пассажиры не обращали ни-

какого внимания на них. Соседка мельком взглянула на кольцо. Оно ее заинтересовало. Несколько раз ее взгляд внимательно остановился на нем. Затем, как бы случайно взглянув на Журдана, улыбнулась ему. Он представился, и после Варшавы, которую они вместе по ее просьбе осмотрели, кольцо перешло к ней. В Москве они расстались. Журдан о Ванде больше не вспоминал. Фрида обещала навесить его в Тегеране. Когда аппарат, тяжело поднявшись с Московского аэродрома, резко повернул на юго-восток, Журдан задумался о своем будущем. Он чересчур хорошо знал, что не сможет, сидя пассивно в какой-нибудь дыре, доживать в почете свой век. Ему нужна была интрига и острота ощущений. Но интрига его калибра, его способностей.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.